

Ольга Алейникова

Девочка со скрипкой

Все мы платим за чужие грехи...

Ольга Алейникова
Девочка со скрипкой. Все
мы платим за чужие грехи...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611436

ISBN 9785448538308

Аннотация

Шесть лет Эммелин Ллойд жила мечтой найти и наказать убийцу отца, который умер у неё на руках. Однажды она понимает, что у её любимого отца, которого она всегда считала идеальным, было множество тайн. В то время как вся семья оказывается в опасности, сама Эммелин пытается понять: кем на самом деле был её отец? Заслужил ли он смерть? И кто же стоит за всем этим? Окунитесь в мир секретов, предательств, проблем отцов и детей, любви и музыки и разгадайте главную тайну, которая может стоить жизни.

Содержание

I	5
1	5
2	18
3	23
4	47
5	71
6	79
7	91
8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Девочка со скрипкой
Все мы платим
за чужие грехи...

Ольга Алейникова

Дизайнер обложки Мария Брагина

© Ольга Алейникова, 2017

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3830-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

*Только правда, как бы она ни была тяжела, —
легка.*

Блок А. А.

1

Во сне я часто слышу нежные звуки скрипки, слышу, как они проникают в каждую щель нашего дома, вижу, как опускаются на стол, чувствую, как они касаются моей кожи, а после проникают в сердце. Каждая нота отбивается моим сердцем в ответ на эту прекрасную музыку, словно отвечает на тайное послание. Потом музыка прекращается. В доме становится пронзительно тихо.

Я вижу, как отец кладёт скрипку и смычок обратно в футляр, закрывает его и улыбается. Я делаю несколько шагов, я хочу подойти ближе, я хочу прикоснуться рукой к плечу отца. Я почти успеваю, но тут слышу громкий звук и вижу, как отец падает на пол, а его руки, только что державшие смычок и создающие невероятную музыкальную сказку, за пару секунд утопают в луже крови. Я громко кричу и просыпаюсь.

Мне жарко, постель полностью пропитана моим потом. Я пытаюсь отдышаться и убедить себя, что всё в порядке.

За окном уже светло, а значит, давно пора вставать. Смотрю на часы. Минута до будильника. Голос за дверью я слышу раньше, чем он прозвенел.

– Эммелин, опоздаешь! – кричит мама. Я провожу руками по лицу и сажусь в постели. Я никогда не любила ходить в школу, но оставаться дома надолго просто ненавидела.

Я быстро собираюсь, наспех надеваю привычные штаны и джемпер, собираю волосы в хвост. Русые, как у мамы. К сожалению, это единственное, чем мы похожи. Я хватаю сумку и выхожу из комнаты. Внизу на кухне мама возится с завтраком, но я прохожу мимо, и уже выйдя за дверь, слышу, как она зовёт меня по имени. Пускай!

Я чувствую себя совершенно разбитой. За ночь мне приходилось просыпаться не меньше пяти раз. К кошмарам я, наверное, никогда не привыкну. Они словно напоминают мне о том, о чём я и так никогда бы не смогла забыть.

Я не иду на историю, выхожу во двор и заворачиваю на спортивный стадион. Только начало года, у меня выпускной класс, но я предпочитаю проводить время здесь, а не в душных кабинетах. Я быстро поднимаюсь на самый верх, сажусь на крайнее место и облегчённо выдыхаю. На стадионе ни души. Тренировки только после обеда, значит, можно спокойно посидеть в тишине.

Я вижу, как по небу медленно плывут облака, чувствую, как солнце приятно печёт мои плечи, ощущаю, как ветер бьёт мне в лицо. Наконец-то я чувствую себя в безопасности.

Хотя бы на мгновение. Закрываю глаза и полностью погружаюсь в это ощущение.

Не то чтобы я жила в постоянных приключениях. Скорее, наоборот. Заурядный маленький город, заурядная маленькая школа, заурядный маленький дом, заурядная... ну, вы поняли. Всё просто и обыденно. Хотя, должна признать, мне нравилась вся эта заурядность. Я не стремилась иметь всё и сразу, не хотела получить в распоряжение огромный город и тысячу возможностей. Такая жизнь была не по мне. Наверное, по этой причине у меня никогда не было друзей среди сверстников. В шестнадцать-семнадцать подростки предпочитают думать о приключениях, любви и наркотиках, а не о ветре и возможности побыть в тишине хотя бы пару часов.

Когда я открываю глаза, замечаю на сидении в конце ряда парня. Кажется, мы недавно начали ходить в одну группу по истории, но и он, похоже, сбежал от писклявого голоса мисс Ривз. Я смотрю на него лишь мгновение, а после отвожу взгляд. Чувствую, как внутри что-то кольнуло. Пытаюсь понять, что же это, а вскоре отгоняю эти мысли. Минутная слабость. Я сама не своя всё утро.

Через пару минут снова смотрю на парня. Как ни стараюсь, не могу вспомнить его имя. Он хорош собой. Темные волосы, неплохо сложен. Думаю о том, что многие девушки предпочли бы его. Но раз уж его имя не на слуху, что-то с ним не так. И возможно, именно эта таинственность меня

и привлекает.

Он что-то пишет в блокноте, изредка отрывается и смотрит куда-то вдаль, а после продолжает, будто вспомнил что-то важное. Всего на мгновение я задумываюсь, что он пишет стихи, а потом убеждаю себя вообще не придавать этому никакого значения. Я хочу достать из сумки книгу, чтобы хоть как-то отвлечься, но замечаю, что пальцы слегка дрожат. Злюсь на саму себя. На секунду замираю, чувствую чей-то взгляд, оборачиваюсь и вижу, как парень спешно отводит глаза.

Я беру сумку и спускаюсь вниз по ступенькам. Парни – это не моя тема. Никогда не тратила на них время и не считаю нужным это делать. Когда в твоей жизни есть вещи посерьёзнее, отношениям с противоположным полом придаёшь не такое уж и большое значение. Мне слишком хватало боли, чтобы я могла позволить себе обзавестись кем-то, кто может причинить мне ещё больше страданий.

Когда я возвращаюсь домой, обед уже на столе. Все свои выходные мама посвящает дому и нам, её детям, думая, что один или два дня в неделю смогут восполнить всё то, что мы потеряли. Я её не виню. Она старается ради нас, я знаю. Просто это не помогает.

Я молча сажусь за стол и пробую рыбное филе. Вкус, должно быть, изумительный, но я его не чувствую. Проходит пару минут прежде, чем мама садится рядом и смотрит на меня.

– Мэли, я хотела поговорить с тобой, пока Глэн и Сади не пришли. Они ещё малы для таких разговоров, – говорит мама тихо и ласково, и во мне зарождается жгучее желание убежать.

– Что-то случилось? – спрашиваю я как можно равнодушнее, ковыряя вилкой рыбу. Я хочу делать вид, что не понимаю, о чём идёт речь. Будто, если смогу обмануть маму, всего этого не будет на самом деле.

– Хочу обсудить завтрашний ужин. Нужно, чтобы всё прошло гладко. Тётя Мирта приедет утром, поможет мне на кухне, а к двум часам поедем на кладбище. Если захочешь, – говорит мама, но я её перебиваю.

– Не захочу, – повышаю я голос и бросаю вилку на стол. Она ударятся о край тарелки, и этот звон ещё долго разделяет нас с мамой. Хотя не только он. – И хватит говорить об этом. Хватит устраивать эти ужины, которые никому не нужны.

– Твой отец хотел бы, – начинает мама, но я снова её перебиваю.

– Хотел бы, чтобы мы собирались раз в год в кругу людей, которым на самом деле на него плевать, и слушали их фальшивые речи? Ты действительно думаешь, что от этого хоть кому-то станет легче?

– Да, – отвечает мама всё так же тихо. Она словно понимает мою злость и не обижается. – Легче будет ему.

– Нет, не будет, – отвечаю я на этот раз уже так же тихо,

как мама, но голос звучит строго. – На самом деле ему уже всё равно. Если ты не помнишь, мама, то он уже мёртв.

Я встаю из-за стола, поднимаюсь по лестнице на второй этаж и громко хлопаю дверью в комнату. Понимая, что сегодня всё равно не смогу уснуть, всё же падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушку. Я не плачу, но чувствую на душе такую пустоту, что удивляюсь, как меня саму ещё не засосало в эту дыру.

Когда утром я открываю глаза, то понимаю, что просыпаться мне не хочется. Я хочу вычеркнуть этот день из своей жизни, из памяти, из истории всего мира, чтобы никто никогда не узнал, какая боль пронзает сердце в этот день.

Мама велит просыпаться скорее и одеваться, просит помочь на кухне, после просит собрать брата и сестру. Последнее мне, пожалуй, по силам.

Я захожу в комнату к Глену и останавливаюсь на пороге. Мой брат стоит у зеркала и застёгивает пуговицы пиджака, который надевает лишь в редких случаях. Костюм ему к лицу, безусловно. Но другое поражает меня. В свои четырнадцать Глэн – точная копия отца, и строгий костюм лишь подчеркивает эту схожесть. Я с трудом проглатываю ком в горле.

Меня словно парализовало на пару минут. Брат замечает меня и оборачивается.

– Мама прислала контролировать? – спрашивает он спокойным голосом. Этим он тоже пошёл в отца. В то время, как я с мамой могу кричать и ругаться вечно, Глэн никогда

не повысит голос.

Я киваю в согласии, а после понимаю, что нужно вести себя, как подобает старшей сестре, быть сильнее их, быть сильнее всех. Папа хотел бы именно этого от меня.

– Тебе идёт костюм, – улыбаюсь я брату. Он смотрит на меня около минуты, словно решаясь на что-то, а после всё же произносит:

– А тебе не идёт траур, Эммелин. Давай просто вместе переживём этот день. Знаю, ты считаешь эту затею глупой, но маме становится легче, так что давай потерпим.

Я подхожу и обнимаю брата, борясь с желанием заплакать. Он думает о маме, обо мне, обо всех, кто вокруг. Хотя его слова зарождают обиду и злость в глубине моей души. Почему, если маме от этого легче, а нам только хуже, мы должны терпеть? Разве не она должна о нас заботиться?

– Пойду проверю, как дела у Сади. Ей больше нужна моя помощь, чем тебе, – говорю я, и брат кивает в согласии. Я благодарна ему за эту пару минут и его слова, которые, словно пощёчины, привели меня в сознание.

Когда я захожу в комнату сестрёнки, то вижу её в чёрном платье на кровати. Она перебирает свои заколки и пытается выбрать что-то подходящее. Я ловлю себя на мысли, что ей траур не идёт намного больше, чем мне.

Моя светловолосая, голубоглазая одиннадцатилетняя сестра не предназначена для чёрных платьев и траурных повязок. Она всегда излучает свет и радость. Я снова начинаю

злиться на маму.

Для чего она обрекает троих своих детей на такие муки, прекрасная зная, какую боль нам это причиняет?

– Никак не могу выбрать, – произносит Сади, словно мы уже давно о чём-то болтали.

– Давай я заплету тебе косу, как ты любишь? – предлагаю я, и сестрёнка утвердительно кивает.

Пока я расчёсываю и заплетаю золотистые волосы сестры, я думаю о том, сколько раз ещё за сегодняшний день мне придётся фальшиво улыбаться, сдерживать свою злость и слёзы. Думаю, смогу ли простить маму за это?!

Я благодарна маме хотя бы за то, что на кладбище мы приезжаем только вчетвером. Мы долго стоим у могилы отца. Я слышу, что мама что-то говорит ему, но не различаю слов. В голове крутится мелодия, которую он играл на скрипке, я вслушиваюсь в эти ноты, привыкаю к ним, впускаю в сердце, и только потом понимаю, что плачу. Я не смогла сдержаться.

Мы возвращаемся домой к трём часам, и здесь уже полно народу. Каждый год я прошу маму не устраивать этих обедов, ведь почтить память отца можно и вчетвером. В конце концов, только мы были самыми родными для него. Но мама никогда не слушает.

Когда за окном темнеет, я понимаю, что больше не могу здесь находиться. Голова идёт кругом, меня буквально тошнит от всех этих фальшивых соболезнований и глупых рассказов о том, как все эти люди когда-то веселились с моим

отцом. Я хватаю куртку с вешалки и выбегаю из дома.

Я бегу около десяти минут, ловя ртом воздух, и стараюсь прийти в себя хотя бы немного.

Я останавливаюсь, только когда добираюсь до старой заброшенной фермы. Дом давно пустует, но он меня и не интересует. Я подхожу к сараю и открываю дверь. Сарай невысокий, но мне всегда нравилось бывать здесь. Я захожу внутрь. Здесь стоит высокая лестница, по которой я взбираюсь наверх, и оказываюсь на чердаке, с которого очень просто вылезть на крышу. Что я и делаю. Крыша, покрытая соломой, всё ещё хранит тепло солнца, светившего на неё. Я сажусь на самый верх и закрываю глаза, а после словно впадаю в транс.

Когда все события сегодняшнего дня немного отступают, я прихожу в себя. Я просто сижу на крыше и наслаждаюсь тем, как всё тело пронзает ветер. Он не холодный, а скорее бодрящий. Именно то, что мне сейчас нужно.

Внезапно я слышу шорох внизу и понимаю, что кто-то поднимается ко мне. За пару секунд варианты проносятся в моей голове. Мама? Глэн? Тётя? Нет же, никто из них не придёт ко мне. Никто не знает, где меня искать.

Когда человек поднимается на крышу, я вижу его лицо, и по телу пробегает дрожь. Передо мной стоит парень со стадиона, тот самый, который писал задумчиво в своём блокноте.

– Не помешаю? – спрашивает он мягко, и я чувствую, как

начинает кружиться голова. Я не могу вспомнить даже имени этого парня, но отчётливо осознаю, что знаю его, это лицо, эти манеры мне хорошо знакомы. Только вот откуда?

– Вообще-то помешаешь, – отвечаю я со злостью в голосе. Мне не нравится, что кто-то нашёл моё место и нарушил тишину, которая была мне сейчас нужна. – Я думаю об очень важных вещах, ты сбиваешь меня с мысли.

– Брось, Эммелин, ты сбежала с поминок, – усмехается он, но я отмечаю, что в словах нет ни капли насмешки. Скорее какая-то грусть.

– Откуда ты знаешь моё имя? И что тебе нужно здесь вообще? – отвечаю я, злясь ещё больше. Теперь это скорее уже на себя, ведь какой-то неизвестный мальчишка меня обыграл.

Парень садится рядом, но не настолько, чтобы мог прикоснуться ко мне. Я немного расслабляюсь. Напряжение постепенно уходит, но я отмечаю, что сердце колотится, словно ненормальное.

– Когда ты злишься, слишком щуришься. Из-за этого кажешься младше на пару лет, – улыбается он, а меня накрывает волной возмущения.

– Ты кто вообще такой? – кричу я ему, а он лишь пожимает плечами.

– Знаешь, мы вместе ходим на историю. Я Джос. Помнишь, на последней парте... – он не заканчивает предложение, но я и так понимаю всё, что он сказал. Джос. Да, я, ка-

жется, вспоминаю, что на уроках он пару раз что-то отвечал. Никогда не обращала на него внимания, если честно. Как и на всех остальных, собственно. Меня мало кто волнует из окружения.

– Я пойду, – говорю я и собираюсь уже встать, но Джос останавливает меня, накрыв мою руку своей ладонью.

– Эммелин Ллойд, выслушай меня, – просит он, а я выдёргиваю руку.

– Ты пришёл мне истории рассказывать?

– Я пришёл потому, что знаю, что значит для тебя этот день, – будто бы оправдывается Джос и отворачивается. Я вижу, что он еле заметно сжимает пальцы в кулак, и понимаю, что все эти слова даются ему тоже с трудом.

– Этот день повторяется уже шесть лет. Думаешь, в этом году он стал значить что-то другое, или ты просто решил подкатить ко мне таким образом? – спрашиваю я на повышенных тонах. Это, действительно, первое, что приходит мне в голову, и я страшно злюсь то ли на себя, что так подумала, то ли на Джоса, ведь это может быть правдой. Нет ничего более низкого, чем это.

– Подкатить? – Джос грустно хмыкает, но так и не поворачивается ко мне лицом. – Я просто хотел, чтобы ты была не одна сегодня. А насчёт шести лет, я знаю, да. Но сегодня ты выглядела несчастной, и если раньше ты умело это скрывала или хотя бы пыталась, то сегодня все признаки боли и горя были налицо. И раз уж ты здесь одна, значит, пойти

тебе не к кому.

– Ты что же это – запоминаешь, когда и как я выглядела? Ненормальный, – бросаю я и встаю. Я осторожно прохожу мимо него и спускаюсь по лестнице. Уже внизу я слышу тихий голос Джоса.

– Похоже, что ненормальный, – шепчет он и замолкает.

Я задерживаюсь на месте лишь на минуту, а после разворачиваюсь и ухожу. Меня захлёстывают злость и боль впере-мешку с чувством неопределённости. Я чётко осознаю, что видела Джоса и раньше, что я знала его, но никак не могу вспомнить, где и когда. Словно память пыталась оградить меня от ещё одного удара. Поэтому я решила оставить попытки вспомнить хотя бы его фамилию.

Когда я возвращаюсь домой, гостей уже нет. На кухне лишь мама и тётя, убирают со стола и моют посуду. Я про-скальзываю мимо них, поднимаюсь в комнату и громко хло-паю дверью, чтобы они были в курсе моего возвращения.

Я достаю из-под кровати маленькую коробку и открываю её. В ней всё то, что так сильно меня ранит, но пока ещё связывает с отцом. Его фотография, блокнот со стихами, от-крытка к Рождеству, брелок в форме буквы Э. Папа всегда говорил, что Э – значит, Эммелин, но я всегда знала, что это Эммет – его собственное имя.

Вот и всё. Остаётся лишь скрипка, но её не поместишь в маленькую коробочку. Когда-то скрипка была для папы всем, а для меня всем был папа. Я с той же злостью, что одо-

левала меня сегодня весь день, захопываю коробку и ставлю её обратно под кровать.

Я засыпаю быстро, но уже через час просыпаюсь с криком. Мне снилось, как молодой парень вырезает моё сердце и съедает его на глазах у сотни людей. Их подбадривающие крики разносятся эхом. И когда я вижу лицо парня, я понимаю, что передо мной Джос, весь в моей крови.

После того, как я всё же успокаиваюсь после ночного кошмара, я вдруг чётко осознаю, что именно не давало мне покоя. Я разгадала загадку, которая с самого начала была на поверхности. Сегодня на крыше сарая со мной болтал Джос Эгберт, никто иной, как сын шерифа Эгберта, который так и не смог раскрыть тайну убийства моего отца.

2

То, что я вспомнила после очередного ночного кошмара, не даёт мне покоя, и я так и не засыпаю до утра. Точнее, я пытаюсь, но каждый раз лицо Джоса всплывает у меня в памяти, и я боюсь закрыть глаза. Я успокаиваю себя, убеждая, что мне ничего не грозит, и Джос не маньяк, и его отец тоже, но все эти годы я всем сердцем ненавидела шерифа Эгберта, который спустил на тормозах дело папы.

Мама всегда говорит, что поимка убийцы не вернёт нам отца, и я это понимаю. Но вместе с этим я думаю совершенно о другом. Я думаю, что убийца не должен оставаться безнаказанным, он не имеет права жить обычной жизнью, обедать и ужинать, смотреть фильмы по вечерам в кругу семьи в то время, как от моей семьи ничего не осталось. И это полностью его заслуга.

Ещё я всегда хотела узнать причину, хотела понять, да и до сих пор хочу, кому мог помешать мой отец, самый тихий и спокойный человек во всем нашем городке. Что он сделал такого, что заслужил лежать под землёй вместо того, чтобы и дальше играть на своей скрипке и учить меня различать звуки.

Мама часто говорит, что во мне играет юношеский максимализм, что я ещё слишком мала, а жажда справедливости в моём возрасте – это естественно. Порой я злюсь на маму

за такие слова. Я давно перестала быть ребёнком. Ещё шесть лет назад, когда умер отец. Тогда всё изменилось. Но мама никогда этого не понимала.

Хотя и я никогда не говорила ей главную причину, по которой мне важно было найти убийцу отца. Просто каждый день в течение этих лет я боюсь засыпать и просыпаться, боюсь заходить в дом и выходить из него, боюсь, что утром за завтраком в последний раз вижу сестру и брата. Боюсь, потому что тогда, шесть лет назад, этот человек, всадивший пулю в моего отца, обещал вернуться и убить каждого в этом доме.

С тех пор я привыкла прислушиваться к каждому звуку, присматриваться к каждой тени и бояться. Я знаю, наверное, все виды страха.

И вина шерифа Эгберта состояла именно в том, что он не придавал никакого значения моим словам и страхам. Он искал убийцу несколько месяцев, а потом сказал, что дело зашло в тупик и порекомендовал не переживать.

– Он вряд ли хотел убить вас всех, – сказал он мне тогда. – Он просто хотел напугать Эммета. Постарайтесь жить дальше.

Должно быть, для него это просто, но я до сих пор не знаю, как именно я живу, и можно ли назвать это жизнью.

Когда я вспомнила фамилию Джоса, всё встало на свои места. Теперь я понимаю, откуда ему известно про поминки, про шесть лет и про моё горе, хотя признаюсь, что ме-

ня немного удивляет этот факт. За годы работы его отца дел было несколько сотен. Так что, либо Джос помнил их все, либо интересовался именно моей историей.

Я помню, что пару раз видела Джоса дома у шерифа, когда мы с мамой приходили к нему для разговоров. Я сидела на их мягком диване и отвечала на все вопросы Эгберта, а маленький Джос подглядывал за нами с кухни. Нам было по одиннадцать лет, и после я не видела его довольно долго, неудивительно, что не сразу смогла вспомнить, кто он такой.

От всех этих размышлений меня отвлекает звонок. Первая у нас биология, и я облегчённо выдыхаю, когда вспоминаю, что история только на следующей неделе, а это значит, что Джоса я не увижу ещё довольно долго. Если задуматься, то он не был виноват в том, что его отец не исполняет свои обязанности как следует, но, судя по вчерашнему разговору, Джос и сам по себе не очень приятная личность.

Вдруг я ловлю себя на мысли, что слишком много думаю о парне, которого видела пару раз в жизни, уроки истории не считаются. Если честно, то я редко туда хожу, а если и хожу, то явно не обращаю внимания на тех, кто вокруг.

Я достаю из сумки учебник и бросаю взгляд на дверь. Мистер Вуд всегда опаздывает. Поговаривают, будто он встречается со старшеклассницей, но я не верю в это. Хотя глупо судить по внешнему виду, никто из нас не знает, какой мистер Вуд внутри. Так же как я не знаю, каким на самом деле является...

– Джос, – вырывается у меня, и я замечаю, что ребята с соседних парт обернулись на мой крик.

Парень проходит мимо меня, держа в руках новый учебник по биологии, и улыбается.

– О, я тоже раз тебя видеть, Эммелин, – говорит он, оставаясь возле меня. – Как поживаешь?

– Какого чёрта, Эгберт? – спрашиваю я как можно тише, но замечаю, что Оливия Ройз с соседней парты поглядывает на нас с интересом. – Ты же не ходишь на биологию. Зачем ты здесь?

– Я мечтаю стать врачом, – отвечает парень с огромной долей высокомерия в голосе и садится позади меня.

– Я начинаю думать, – шепчу я ему, повернувшись назад, – что ты меня преследуешь. У тебя точно с головой всё в порядке?

– У кого с головой не в порядке, так это у тебя, Ллойд, – отвечает он мне спокойным голосом, и я почти ему верю. – Не всё в мире вертится вокруг тебя.

Я хочу ответить ему что-то язвительное, но не нахожу слов. Вижу, что он доволен собой, и отворачиваюсь. В этот момент в класс входит мистер Вуд, и я стараюсь отогнать от себя дурные мысли и погрузиться в мир биологии.

После окончания урока я жду, пока Джос снова скажет мне что-то, но он проходит мимо молча. Я начинаю понимать, что сама выдумала между нами какие-то особые отношения, и то, что я ненавижу его отца, ещё ничего не значит

для нас обоих.

3

Мне было одиннадцать, когда мой папа решил, будто я уже достаточно взрослая, чтобы пойти с ним в поход. Это было нашей большой тайной, мы не говорили о наших планах маме, ведь планировали сделать ей сюрприз: принести из похода трофей ей в подарок. Мы готовились несколько недель. Сначала мы повторяли всё, что знали о способах выживания в экстремальных условиях. Несколько лет подряд до этого папа учил меня разводить костры и ставить палатку, он научил меня лазить по деревьям и быстро плавать. Я умела многое, хотя и не совсем хорошо это делала, ведь была ребёнком.

Самое лучшее, чему научил меня папа, это игра на скрипке. Он мог превратить любой день и любое место в сказку, лишь дотронувшись смычком до струн. Когда он начинал играть, казалось, замирал весь мир, и птицы переставали петь, и ветер переставал тревожить листву на деревьях. Все останавливались и не могли сдвинуться с места, пока музыка не закончится.

Нет, конечно, я не научилась играть, как он, и никогда не научусь, но я очень старалась, ведь эта музыка связывала нас с отцом и после его смерти.

Мне было одиннадцать, когда мне разрешили не идти в школу, а хорошенько выспаться утром, ведь днём мы долж-

ны были отправиться с папой в обещанный поход. В тот день я проснулась резко от громкого хлопка. Сначала думала, что мне показалось, но после услышала голоса внизу. Я испугалась. Бывало, что родители ссорились, и мама разбивала тарелки или кружки, но папа никогда не повышал голос, а тогда кричал именно мужчина.

Я тихо вышла из своей комнаты и прокралась вниз по лестнице. Всё происходило в гостиной, но обзор загоразживала стена, поэтому я лишь могла различать слова.

– Ты ответишь мне за всё, обещаю тебе, за всё, – шипел незнакомый голос. – Я буду приходить в твой дом снова и снова, я буду убивать здесь всех по очереди, чтобы вся твоя семья страдала вечно.

Я испугалась и словно приросла к одному месту. Я не понимала, что происходит, но папа всегда учил меня не показываться, если ситуация не до конца мне понятна. Я следовала его совету. Хотя после не прошло и дня, чтобы я не винила себя за то, что ничего не сделала, что не вбежала в комнату, не увидела лица того человека, что не заслонила собой отца.

Я услышала ещё один громкий хлопок, а после шаги и звук закрывающейся двери. Он ушёл, и я решилась войти в гостиную.

На полу в луже крови лежал мой отец и еле слышно шевелил губами. Я застыла на месте, не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я подошла к нему и опустилась на ко-

лени.

– Папа, – прошептала я, не в силах даже заплакать. Из его груди текла кровавая жижа, я чувствовала запах крови, и понятия не имела, что делать. Папа учил меня обрабатывать лишь мелкие ранки. – Нужно позвонить в службу спасения.

– Нет, – прошептал папа еле слышно. – Ничего не нужно. Уходи, прошу тебя, Эммелин. Я тебя люблю. Помни. И уходи.

Я всегда делала так, как говорил отец, тот раз не был исключением. Сейчас я понимаю, что папа просто не хотел, чтобы я видела его таким. Тем более, что, как сказали после врачи, ничего сделать нельзя было всё равно, даже если бы я вызвала скорую, его бы не спасли.

Хоть папа и позаботился о моей психике, мне это не помогло. Я вижу его смерть почти каждую ночь в разных вариациях. Я купаюсь в крови, я тону в ней, я слышу крики и всхлипы, меня преследует шёпот отца и голос его убийцы.

Поэтому слова шерифа Эгберта вызывают у меня лишь злость.

– Постарайтесь жить дальше.

Не знаю, как можно жить дальше, если в тот день меня тоже убили вместе с отцом.

За размышлениями я не замечаю, как на улице темнеет, а на небе появляются первые звёзды. Я прихожу в себя только, когда моего плеча кто-то касается.

– Ты протрёшь в ней дыру, – говорит чей-то голос, и я ви-

жу, что передо мной снова Джос. Он опять пробрался на мою крышу и опять мешает мне.

– Что? – переспрашиваю я и замечаю, как сел голос. Я прокашливаюсь и повторяю. – Что ты сказал?

– Говорю: ты протрёшь в ней дыру, – говорит снова парень и указывает на мои руки. Я только сейчас вспоминаю, что не просто сижу на крыше, а ещё и полирую папину скрипку. Видимо, настолько погрузилась в свои мысли, что забыла.

Я демонстративно фыркаю. Удивительно, что я всеми способами пытаюсь оградить себя от этого парня, а он будто ничего не замечает.

– Не твоё дело. Что ты здесь делаешь вообще? – резко отвечаю я ему. Я хочу быть с ним как можно строже и неприступнее, чтобы он перестал ходить за мной по пятам.

– Это моё место. Я часто сюда прихожу. Так что это я должен тебя выгонять, – он улыбается и садится рядом, но на этот раз намного ближе, чем в прошлый. Всего на секунду наши оголённые плечи соприкасаются. Я чувствую, как тело начинает бить мелкая дрожь. Я опускаю скрипку и отворачиваюсь. Он продолжает. – Да брось, Эммелин, не злись на меня. Я просто хотел, чтобы ты перестала меня избегать.

– А я хотела бы, чтобы ты перестал меня преследовать, – бросаю я ему и вскакиваю на ноги, но тут же спотыкаюсь и чувствую, как он взял меня за руку, чтобы не дать упасть. – Джос, прекрати.

Я выдёргиваю руку и быстро спускаюсь с крыши по лестнице, стараясь не поцарапать скрипку. Я надеюсь, что в темноте Джос не заметил, как пылают мои щёки. Странно, что я ненавижу его всем сердцем, и тем не менее он может обжечь меня только одним лишь взглядом. Я чувствую, будто предаю отца и саму себя, потому спешу домой, чтобы умыться и смыть с себя прикосновения Джоса Эгберта.

Но чем ближе я подхожу к дому, тем ощущение, будто кто-то следит за мной, становится сильнее. Я стараюсь не паниковать, ведь я полностью уверена, что следом за мной идёт Джос. Он настолько ненормальный, что теперь будет преследовать меня вечно. Не понимаю, зачем ему это.

Я поднимаюсь на крыльцо и замираю на пару секунд, а потом слышу скрип ступеньки. Так скрипит только вторая ступенька снизу, я помню это отчётливо, именно поэтому я резко оборачиваюсь и пытаюсь дать Джосу пощёчину.

– Какого чёрта ты ходишь за мной, Джос? – кричу я, но парень уворачивается от моего удара, а после смеётся.

– Эй, сестрёнка, а ты стала ещё суровее, – слышу я голос и на пару секунд замираю, а после облегчённо выдыхаю. Я успокаиваюсь и смотрю на парня. Передо мной стоит Хикс, мой кузен.

По правде говоря, мы никогда не были кровными родственниками. Отец Хикса женился на тёте Мирте, папиной сестре, когда самому Хиксу было около семи. Тогда мы впервые с ним встретились. Я строила из веток шалаш на заднем

дворе, а он спросил меня, почему я не играю в куклы, как все другие девчонки. На что я демонстративно достала с дерева мою куклу Чарли, для которой я и строила это жилище. Хикс посмеялся, а потом стал мне помогать. С тех пор мы всегда были дружны, наверное, даже больше, чем я была когда-либо дружна с родным братом.

– А ты стал ещё подкачаннее, – говорю я ему и хлопаю по плечу. – Серьёзно, Хикс, анаболики тебя убьют.

– Я просто соблюдаю диету и много тренируюсь. Ты ко мне несправедлива, – отвечает кузен.

– Зайдёшь в дом? Поболтаем о твоём питании? – смеюсь я и открываю дверь, но чувствую, как ладонь Хикса ложится на мою руку.

– Давай посидим на заднем дворе. Не хочу в дом, – предлагает он мне, и я соглашаюсь.

Знаю, у них с моей мамой всегда были сложные отношения. Если изучать родословную, они оба чужие друг другу люди, но ведь и нас с Хиксом не соединяет кровь, однако мы всегда вместе. Должно быть, всё дело в отце Хикса, хотя я редко в своей жизни видела Шона О'Келли. Но моя мама не очень-то любила его, да и сама тётя Мирта бывала у нас пару раз в году. Шона в последний раз я видела несколько лет назад, мельком, мы не разговаривали. Он в постоянных разъездах, к тому же все они являются той частью семьи, с которой нас соединял отец. Как только его не стало, всё развалилось.

Мы с Хиксом садимся на лавочку под деревом, раньше здесь стоял стол, и по выходным папа устраивал барбекю. Он не звал много гостей, приходили лишь мы, его дети, и время от времени тётя с кузеном. Я любила эти дни больше всего на свете, ведь кроме веселья с папой, я могла ещё есть с Хиксом жареные сосиски и обсуждать его подружек. Он всегда был популярен в школе.

При свете фонарей во дворике я намного чётче вижу Хикса и без стеснения рассматриваю его. Мы не виделись несколько месяцев. Кузен теперь в колледже и приезжает довольно редко.

Я замечаю, что его мышцы и правда стали больше, футболка натянулась на груди, и каждый раз, когда он дышал, а грудная клетка поднималась, я боялась, что ткань на нём разорвётся. Хикс подстриг свои каштановые волосы короче обычного и повесил на шею медальон в форме весов. Это я когда-то давно подарила его, как напоминание о том, что Хикс всегда будет находиться под тяжестью двух разных грузов. Мой кузен мечтает стать судьёй. Странно, что он не носил этот медальон довольно долго, а сейчас не снимал его по меньшей мере пару месяцев, ведь шнурок на шее истрепался.

– Тебе нужно подарить приличную цепочку теперь, – улыбаюсь я, кивая на медальон. – Не думала, что ты станешь его носить.

– Это твой подарок, – отвечает мне кузен с серьёзным ви-

дом. – К тому же, я наконец-то стал понимать его смысл.

Мне хочется спросить у него, что же произошло, что заставило его приехать ко мне поздним вечером и говорить так загадочно. Но я не решаюсь произнести ни слова.

– Прости, что не смог вчера быть рядом. Знаю, это кошмарный день для тебя. Но я застрял на учёбе и опоздал на сутки, – оправдывается Хикс, и я вижу, что он действительно сожалеет. Не думаю, что ему по-настоящему грустно из-за смерти моего отца. Скорее его печалит мой унылый вид, так же, как и меня его.

– Даже не извиняйся. Я рада, что ты не видел меня вчера, – говорю и верчу головой, словно отрицаю что-то.

– Как всегда злая и непрощающая в этот день? – смеётся брат, а когда я киваю в согласии, спрашивает. – Сбежала опять? Ты не меняешься. Хотя это к лучшему.

– Может, останешься сегодня у нас? – спрашиваю я. Мне так не хочется быть одной.

– Твоя мама, – рассеянно начинает Хикс, но я его перебиваю.

– План Б? – спрашиваю я и хлопаю его по плечу. Чувствую, насколько горячая у него кожа, будто бы внутри бурлит сам огонь. Не верю, что он хочет скрыть себя навеки под чёрной мантией судьбы.

– План Б, – соглашается кузен и смеётся.

Я захожу в дом, слышу, как в гостиной работает телевизор. Кричу маме, что вернулась, поднимаюсь в свою комна-

ту и запираю дверь. Потом бросаюсь к окну и открываю его. Хикс залазит через пару минут.

– Давненько я не влезал в окна к симпатичным девушкам, – шутит он.

– Это потому что в колледже вы все живёте в одном общежитии, – смеюсь я в ответ и неожиданно для самой себя бросаюсь к брату и обнимаю его.

Я снова чувствую жар его тела, а после ощущаю, как он обнимает меня в ответ. Одна его рука останавливается на спине, а второй он будто охватывает мою голову.

– Ты со временем становишься всё меньше, – шепчет Хикс мне в волосы, но я различаю слова. – Я скучал, – шепчет он ещё тише и целует в макушку.

Я размыкаю объятия и смотрю на него сверху вниз. То ли он до сих пор растёт, то ли я и вправду становлюсь меньше. Он словно стал выше меня ещё на несколько дюймов, хотя я и так всегда доставала лишь до его подбородка. Я улыбаюсь кузену и вижу, что и он улыбается мне.

– Я тоже скучала, – говорю я ему всё с той же улыбкой и сажусь на кровать. – Включи телевизор, чтобы мама не слышала наш разговор.

Хикс выполняет мою просьбу и садится рядом.

– Так ты парнем обзавелась уже? – спрашивает он, ухмыляясь. Мне не нравится тон, которым он это произнёс, но я отгоняю глупые мысли. Я непонимающе смотрю на кузена, а он начинает меня передразнивать. – О, Джордж... Не ходи

за мной...

– Джос, – поправляю я Хикса, а потом понимаю, что исправляю совсем не то. – Никакой он мне не парень. Ненавижу его и его семейку.

– Если быть откровенным, – говорит кузен, ложится на подушку и растягивается на кровати, – я твою семейку тоже не очень люблю. Но это не мешает мне залазить к тебе в окно снова и снова.

Я ложусь рядом с братом и шепчу ему то, что сама узнала недавно. Я словно боюсь, что кто-то услышит, хотя в комнате кроме нас никого и телевизор работает слишком громко.

– Он сын шерифа Эгберта. Знаю, ты всегда меня убеждал, будто он сделал всё возможное, и тому подобное, но я не могу отделаться от мысли, – Хикс перебивает меня, приложив указательный палец к губам. Я замолкаю.

– У меня есть ужасная привычка, – шепчет мне кузен. – Я так часто недооцениваю тебя. А потом жалею. Я часто не замечаю, что ты уже взрослая, что тебе больше не нужно помогать строить шалаш. Ты боец и всегда им была. Не знаю, прав ли я сейчас. Но знаю, что буду жалеть в любом случае.

Я подвигаюсь к брату ещё ближе. Мне хочется знать всё, что он решил доверить мне. Я беру его за руку и словно умоляю, хотя не произношу ни слова.

– Я слышал, как мама разговаривала с твоей мамой по телефону. Ещё пару месяцев назад. Они обсуждали поминки, тебя, а потом мама сказала странную фразу. Будто не стоило

тогда мешать шерифу делать своё дело, ведь сейчас это, возможно, помогло бы тебе. Сначала я подумал, что речь шла о другом, но сейчас я понимаю, что все эти годы ты была права. Не так просто Эгберт закрыл то дело.

Я чувствую, будто в душе что-то обрывается, будто высвобождаются все мои ночные кошмары, воплощаются в реальность. Пальцы немеют, а голова начинает кружиться, словно я теряю сознание, а может, так и есть на самом деле. Хикс трясёт меня за плечи.

– Эммелин, всё в порядке? – спрашивает он, я утвердительно киваю, но понимаю, что вру. Ничего не в порядке, Хикси, ничего не в порядке. Расследование убийства отца было остановлено специально. И хуже всего то, что моя мама знала об этом. Чего ещё я не знаю о ней? Об этом деле?

– Мне подумалось, всего на мгновение, когда ты сказала, что он сын шерифа, – Хикс подбирает слова. – Показалось, что ты с ним, чтобы... ну ты понимаешь, узнать информацию.

Я молчу пару минут, а потом до меня доходит смысл слов кузена. Я фыркаю.

– Это подло, Хикс. Я бы так не поступила, – говорю я, а потом задумываюсь. А зачем Джос стал проявлять ко мне такое внимание? Не по этой же причине? Узнать что-то, что его интересует. Может, и он замешан в этой истории.

– Подло, – соглашается брат, – но ты бы могла попробовать просто подружиться с ним. Я не предлагаю тебе прода-

вать себя за информацию. Стань его другом, а там посмотрим.

– Никогда не умела притворяться, – шепчу я и вижу, как Хикс раскрывает руки для объятий. Я понимаю, чего он хочет. Я подвигаюсь ещё ближе и ложусь на его руку, утыкаясь носом в его грудь.

– Знаю, Эммелин, – отвечает он мне, и последнее, что слышу перед тем, как заснуть, заставляет меня удивиться. – Порой так хочется, чтобы ты хоть на миг притворилась, буд-то... неважно. Давай спать.

Он целует меня в макушку. Его фирменный знак проявления любви ко мне. Мы засыпаем, и впервые я чувствую себя защищённой. Ночью мне не снится отец, кровь не разливается по полу, ни разу не появляется Джос. А утром, когда я открываю глаза, понимаю, что Хикс ушёл, оставив лишь свой запах на моей подушке.

Весь день меня не покидают мысли о Хиксе и его словах. Я не понимаю, чему можно верить, а чему нет. Так же как не понимаю причин, по которым мне не стоит доверять ему.

В голове вертится одна фраза. «Не стоило тогда мешать шерифу делать своё дело». Я не понимаю, каким образом мама с тётёй могли помешать служителю закона выполнять свою работу. Знали ли они, кто убийца на самом деле, и пожелали это скрыть? Или просто решили не копаться в этом для безопасности семьи?

– Хикс приходил вчера? – спрашивает мама за обедом. Я

вздрагиваю от неожиданности, ведь была погружена в свои мысли. Смысл её вопроса до меня доходит не сразу.

– С чего ты взяла? – отвечаю я как можно равнодушнее. По сути мне и правда всё равно, что там думает мама. К тому же, чётко осознаю, что мы не могли выдать себя. Разве что утром кузен попался маме на глаза.

– Он оставил свою машину рядом с домом, – произносит мама, а я лишь раскрываю рот в недоумении.

– Какой же идиот, – шепчу я.

– Тебе не кажется странным, что он ночует у тебя в комнате? Это противоречит всем правилам приличия, – мама выравнивает бумажную салфетку. Я вижу, как она волнуется.

– Мама, о чём ты говоришь вообще? – спрашиваю я и мотаю головой. – Ты же знаешь, он мой брат...

– Пойди расскажи это его гормонам, – резко перебивает меня мама. Я начинаю злиться.

– Перестань! Ты просто не любишь его отца. Неважно, что мы не родные. Мы выросли вместе, он всегда был моим другом, – защищаю я Хикса и понимаю, что уже срываюсь на крик. Делаю несколько вдохов и успокаиваюсь. Не хватало ещё брата с сестрой напугать.

– Лучше бы ты так дружила с Глэном. Ведь он действительно твой брат, – говорит мама и комкает салфетку.

Я встаю из-за стола, не желая и дальше ругаться с мамой. Странно, что мы совсем перестали быть родными друг для друга. Теперь и я, и она лишь хотим сделать больно, но никак

не поддержать.

– Довольно. Я опаздываю на репетицию. Буду поздно, – говорю я, поднимаясь в комнату.

– Если ты снова собираешься к О’Келли, – начинает мама.

– Передать ему привет? – кричу я и захлопываю дверь.

Я беру скрипку, сумку с альбомами и тетрадями и выбегаю из дома. Я и вправду уже опаздываю на репетицию. Я занимаюсь с музыкальной группой два раза в неделю. Мы выступаем на городских мероприятиях, часто принимаем участие в благотворительных концертах и никогда не мечтаем о славе. По крайней мере, я точно. Для меня главное – это иметь возможность играть на скрипке, воскрешать память об отце вновь и вновь, прикасаясь к струнам.

Я иду вдоль дороги, когда слышу, как остановилась машина. Я стараюсь не думать об этом, ведь она могла остановиться по разным причинам. Однако за столько лет жизни в страхе, я придаю значение всем мелочам, какие только есть. Но эта ситуация научила меня ещё одному – никогда не паниковать, всегда рассуждать логически, рационально. Поэтому я успокаиваюсь, думая о том, что не одна сейчас, вокруг много людей, и никто не сможет причинить мне вред.

– Подвезти? – слышу я знакомый голос за спиной и чувствую, как сердце начинает биться сильнее. Я сразу же узнаю этот голос, ведь в последнее время слышу его слишком часто.

– Откуда ты всё время берёшься, Эгберт? Ты следишь

за мной? – кричу я ему и оборачиваюсь.

Джос стоит возле машины и смотрит на меня, не улыбаясь. Он выглядит больше встревоженным, чем радостным.

«Мне подумалось, всего на мгновение, что ты с ним, что-бы... ну ты понимаешь, узнать информацию», – в голову сразу же приходят вчерашние слова Хикса. И я вспоминаю, что обвинила Джоса в этом же заочно.

– Эммелин, да перестань в конце концов, – говорит он и подходит чуть ближе. – Откуда у тебя это желание сделать из меня маньяка? Я просто ехал мимо и случайно тебя заметил. Если не хочешь садиться, я поеду дальше.

Я смотрю на часы и понимаю, что опаздываю. Ещё около минуты я просто молчу, смотрю на Джоса и убеждаю себя, что бояться нечего. Мне и правда нужно успеть вовремя. Но я понимаю, что обманываю саму себя. Опоздание волнует меня меньше, чем нераскрытые тайны. Возможно, это неплохой повод пообщаться с Джосом поближе, узнать его, подружиться. Может, Хикс был прав вчера. Хотя меня не покидает ощущение подлости этого решения.

– Ладно, на самом деле я невероятно опаздываю, – отвечаю я и иду к машине. – Хорошо, что я тебя встретила.

– Бог мой, – смеётся Джос, садясь за руль. – Неужели ты сказала мне спасибо?

– Я не говорила, – отрицаю я и пристёгиваюсь.

– Сказала, но не прямо. Куда тебя везти?

– Уолтинг стрит, 59. Рядом с баром, – отвечаю я и Джос

кивает.

Я не знаю, что говорить. Я вижу, как дома за окном автомобиля сменяют друг друга, понимаю, что время ускользает, но не нахожу слов. Странно, что Джос тоже молчит. Между нами впервые чувствуется неловкость. Словно мы оба знаем о планах друг друга, но не хотим этого показывать.

– На какие предметы ты ещё записался? – спрашиваю я и мысленно ругаю себя за глупость. – Чтобы я знала, где тебя ещё ожидать.

– На химию, но ты туда, кажется, не ходишь, – спокойно отвечает Джос, и я соглашаюсь. Химия – это совершенно не моё.

– Так ты правда хочешь быть врачом? – спрашиваю я.

– Да, зачем мне врать тебе, – говорит Джос. Я вижу, что он серьёзен, как никогда. Больше не шутит и не заигрывает, больше не говорит громких фраз. Может, с самого начала я его недооценила. Может, на самом деле он не такой уж и плохой. – Всегда мечтал быть доктором. Родители долго спорили. Отец хочет видеть меня юристом, мама главой какого-нибудь банка. А я просто хочу спасти людей.

– Комплекс миссии, – шучу я, но вижу, как хмурится Джос, и сдаюсь. – Прости. Не хотела обидеть. У тебя хорошая мечта. Здорово, когда есть цель в жизни. Так родители согласились?

– Не знаю, – Джос впервые улыбается. – Я не очень-то спрашивал их. Это моя жизнь. Я делаю то, что хочу.

– Я заметила, – тихо бросаю я. Джос резко тормозит, я роняю сумку. – Аккуратнее. У тебя права-то есть?

– Эммелин, что я сделал такого, что ты меня ненавидишь? – вдруг спрашивает Джос, не обращая внимания на моё замечание.

– Ничего ты не сделал. Мы едва знакомы, – отвечаю я и хмурюсь.

– В том то всё и дело, – тихо произносит Джос и смотрит на меня, не отводя взгляд. Меня бросает в жар. Не понимаю, что происходит, но мне это явно не нравится. – Ты меня совсем не знаешь, но видимо давно решила, какой я. И судя по твоему поведению, решила ты неправильно.

– Может, я решила не просто так, – отвечаю я и чувствую комок в горле. – Может, на то есть причина. Ты не думал?

– Думал, – отвечает Джос и наклоняется.

Он поднимает сумку и протягивает мне. Наши пальцы едва касаются друг друга, и я чувствую, как меня словно ударяет током. Джос пару секунд смотрит на меня, наши лица находятся в удивительной близости, я чувствую его горячее дыхание. После парень отодвигается и выпрямляется в кресле.

– Ты опаздываешь. Удачно порепетировать, девочка со скрипкой, – говорит мне Джос.

– Откуда ты знаешь про репетицию? – спрашиваю я и тяжело вздыхаю. Глупый вопрос. Он знает обо мне всё. Джос не отвечает, лишь улыбается. Натянута и нервно. Я пони-

маю, что не выдержу и минуты больше в его компании. – Спасибо, что подвёз. Увидимся на биологии.

– История раньше, – слышу я прежде, чем захлопываю дверь.

Я сжимаю кулаки до тех пор, пока ногти до боли не впиваются в ладони. Я чувствую, как сильно бьётся сердце, как ускоряется дыхание. И я не могу понять, что именно служит для этого причиной. Ненависть к Джосу и к его отцу или то, насколько близко он сегодня был в машине.

Я стараюсь прийти в себя и настроиться на нужный лад. Впереди полтора часа репетиции, полтора часа любимой скрипки.

Я захожу в дом к Джесси. Она играет на клавишах и ненавидит, когда кто-то опаздывает. Я смотрю на часы. Ровно четыре.

– Ты успела в последний момент, – улыбается мне Джесси.

Я достаю скрипку из футляра, провожу рукой по гладкой поверхности, беру смычок. Я могу поклясться, будто слышу запах осенней листвы. Именно тогда, осенью, на заднем дворе нашего дома, папа впервые дал мне в руки скрипку. Он застелил землю пледом, принёс из дома горячий чай и свой футляр.

– Любой инструмент тоже имеет свои чувства, как бы абсурдно это ни звучало, – сказал он мне тогда, и я понимающе кивнула. Мне было семь, но я всегда серьёзно относилась ко всем словам отца.

Он вложил мне в руку смычок, и мне почудилось, будто я сжимаю в ладони волшебную палочку. Настолько всемогущей я себя чувствовала тогда. Хотя на самом деле я ничего не могла сыграть. Но это был день, когда папа открыл для меня свою тайну, впустил в свой мир, и я навсегда запомнила этот момент.

Теперь каждый раз, когда я беру в руки скрипку, я вспоминаю запах той самой листвы, мягкость пледа и папину улыбку после того, как я смогла сыграть правильно пару нот.

Полтора часа проходят незаметно, я полностью погружаюсь в мир музыки, окунаюсь с головой в звуки и мелодии, в ноты и паузы, в сказку. Сколько бы я ни тренировалась, сколько бы окружающие ни хвалили меня, я всегда знала и буду знать, что на самом деле я никогда не смогу играть так же, как папа. Так завораживающе, так волшебно. В его руках смычок уж точно превращался в волшебную палочку. Казалось, что весь мир замирал, что вся музыка принадлежала лишь ему одному. Я так не умею. Моя игра – лишь жалкое подобие его величия, лишь дань его памяти.

Когда заканчивается репетиция и я выхожу на улицу, то на мгновение останавливаюсь на крыльце дома. Я смотрю по сторонам и, удостоверившись, что машины Джоса нет поблизости, облегченно выдыхаю. Я расслабляюсь, хотя в глубине души понимаю, что вру самой себе. Выходя из дома, я надеялась увидеть здесь его машину, а вовсе не боялась.

Пока иду домой, снова размышляю о словах Хикса, пыта-

уюсь принять решение. С одной стороны, предложение брата подлое и низкое. Нельзя втереться человеку в доверие, стать его другом, точнее притворяться, только ради информации. Но, с другой стороны, мне может и правда понравиться с ним общаться, и получится, будто я вовсе и не обманываю. К тому же, это единственный способ выяснить хоть что-то. Даже если Джос сам ничего не знает о деле отца, дружба с ним приблизит меня к его семье, а после, может, и сам Джос решится мне помочь.

Когда я подхожу к дому, то уже точно решаю послушаться Хикса, хотя меня всё ещё и переполняют противоречия. Я решаю позвонить брату, чтобы хоть кому-то выплеснуть свои эмоции.

Кузен берёт трубку не сразу. Голос у него весёлый, на заднем фоне слышна тихая музыка и женская речь. Я чувствую укол в районе солнечного сплетения, на пару мгновений полностью погружаюсь в злость на брата, но тут же привожу себя в норму. В конце концов, это его жизнь, и он вправе делать всё, что захочет. Общаться с кем хочет, спать с кем хочет. Я сама не замечаю, как сильно впиваюсь пальцами в телефон.

– Мэли, что-то случилось? – спрашивает он встревоженно. – Ты молчишь мне в трубку уже пару минут.

– Ничего, – бросаю я в ответ. – Ты занят, перезвоню позже.

– Да перестань. Подожди минуту, – торопливо говорит брат. Я слышу, как он куда-то идёт, после скрипит дверь,

на заднем фоне становится тихо. Видимо, вышел в коридор. – Всё, могу говорить.

– Боже, ты там хоть одет? – шуткой спрашиваю я. – Распугаешь всех.

– Остроумно, – я слышу, как Хикс улыбается в трубку. – Рассказывай.

– Просто хотела сказать, что ты придурок, Хикс. Только придурок может оставить машину напротив дома, а сам лезть в окно, чтобы мама не заметила, – говорю я ему, а кузен смеётся.

– Прости, не подумал сначала. А потом не хотелось уходить. Ты знаешь, как я рад нашим редким встречам. Всегда скучаю, – шепчет мне брат. Мне приятны его слова, но злость снова овладевает мной. Этот шёпот выводит меня из равновесия.

– Ой, да прекрати, – резко бросаю я ему в ответ. – Сейчас твоя подружка услышит и заревнует. Слишком громко шепчешь.

– Какая подружка, Мэли, ради Бога, не нужно этого. Иначе я подумаю, что ты ревнуешь, – я слышу в словах брата насмешку. Это больно меня ранит.

– Хотела поговорить с тобой о Джосе. Сказать, что ты был прав, и я решила пообщаться с ним поближе. А ещё хотела посоветоваться, но тебе не до меня. Давай перезвонишь, когда в твоей комнате не будет голой девки, хорошо? – говорю я ему как можно спокойнее и бросаю трубку. Хикс не пере-

званивает. Он знает моё отношение к его мимолётным увлечениям и бездумным отношениям.

Никогда не понимала, почему у него не было постоянной девушки. Мой кузен хорош собой, даже очень. Он весёлый, интересный, он не беден, его ждёт светлое будущее, я уверена. Да и девушек вокруг хоть отбавляй. Но Хикс никогда не принимал ни одну из них всерьёз.

Я злюсь на саму себя, что нагрубила брату. Он ведь мой единственный друг. Знаю, что ревность в наших отношениях вещь странная. Но я всегда знала, что любит он меня, пусть и как сестру. И мне было страшно делить его с другими девушками, словно я боялась его ухода, исчезновения. Естественно, одно не исключает другого. Он может встречаться с кем угодно, жениться, завести детей. Это не значит, что он должен будет бросить меня, но я всё равно боюсь.

Следующие пару дней тянутся медленно. Хикс не перезванивает, репетиций нет, Джоса я не встречаю. Я умираю от тоски и от нетерпения одновременно. Я спешу начать воплощать свой план в действие, но в глубине души страшусь того, что Джос может понравиться мне по-настоящему. Что бы там ни было, нельзя в него влюбляться. Ни в коем случае.

В среду первая история. Я смотрю на часы и понимаю, что до начала урока ещё полчаса. Думаю, что успею прийти в класс и немного успокоиться, а после настроиться на разговор с Джосом. Не знаю, каким он будет, но то, что он со-

стоитя, – несомненно.

Я захожу в класс и замираю на входе. Джос сидит за своей партой. Про себя я вспоминаю все виды ругательств. Прохожу по классу, сажусь на своё место, раскладываю вещи. Я решаю, что не заговорю с ним первая, но Джос и сам не спешит говорить со мной. Он сидит за партой и что-то пишет в своей тетради. В той самой, которую я видела у него в руках на стадионе. Мне становится интересно. Ещё пару минут я борюсь сама с собой, а после встаю и подхожу ближе. Как только я оказываюсь рядом с Джосом, парень ставит точку и закрывает тетрадь. Я снова ругаюсь про себя. День явно не задался.

– Привет, – говорит он мне просто, я вздрагиваю.

– Что ты пишешь? – решаюсь спросить я.

– Не твоё дело, – отвечает Джос, но я отмечаю, что голос звучит дружелюбно. Ни капли злости и вчерашнего смятения.

– Очень по-дружески, – отмечаю я. Джос смотрит мне прямо в глаза и хмурится.

– По-дружески? С каких пор мы друзья? – спрашивает он, и я понимаю, что сказала чушь. Не могу подобрать слова. Мы оба молчим.

– Если хочешь, можем стать, – тихо говорю я наконец. Джос удивляется, искренне. Я и сама удивляюсь себе.

– Будем рассказывать друг другу тайны и давать советы о том, как пережить несчастную любовь? – спрашивает

Джос. Мои щёки моментально вспыхивают.

– Узкий же у тебя кругозор. Не хочешь, значит, не морочь мне голову, – говорю я и разворачиваюсь, чтобы уйти, но Джос меня останавливает за руку. Не хватает ещё, чтобы нас заметили и начали распускать слухи. Я выдергиваю руку и вопросительно смотрю на Джоса.

– Не злись, – тихо говорит он. Я отмечаю, что голос так же ласков, как и в первый день на крыше сарая. – Я не сказал нет. Мы могли бы для начала пообщаться, не торопясь и не ненавидя друг друга. Хорошо?

– Что ж, ты знаешь, где меня найти, – говорю я спокойно, намекая на крышу.

– Это ты знаешь, где меня найти, – улыбается Джос. – Я же говорил – это моё место.

Я смеюсь, парень тоже. Я понимаю, что это первый момент, когда мы действительно не ненавидим друг друга. Я возвращаюсь на своё место, сажусь и пытаюсь перестать краснеть. И всем своим телом жду вечера, когда пойду на крышу сарая, где мы с Джосом найдём друг друга. Впервые, как друзья.

Я прихожу домой, когда брат с сестрой уже пообедали. Глэн сидит за кухонным столом, пьёт содовую и что-то читает в своём планшете. Я открываю холодильник, достаю сок и сажусь напротив. Брат долго не обращает на меня никакого внимания, пока я сама не начинаю разговор.

– Как в школе? – спрашиваю я Глэна, брат кивает. Я понимаю, что он меня не слушает. – Оторвись от планшета. Я задала вопрос.

– С годами ты становишься похожа на маму, – вздыхает Глэн и откладывает девайс в сторону. – Ну и ради чего такой шум? Чтобы я сказал, что в школе всё нормально?

– Где Сади? – вновь спрашиваю я, как ни в чём ни бывало. Брат закатывает глаза.

– В комнате. Эммелин, ты решила поиграть в старшую сестру? Не узнаю тебя, – говорит брат спокойно и снова включает планшет.

Я вздыхаю и понимаю, что сестра из меня и правда никакая. С тех пор, как умер папа, всё своё время я посвящала чему угодно, но только не брату с сестрой. Я заглушала боль утраты игрой на скрипке, учёбой, ссорами с мамой, но не любовью моих самых родных людей. А между тем, они потеряли то же самое, что и я. Я почувствовала себя по-настоящему виноватой.

– Ладно, давай я не буду слишком надоедливой, а ты не будешь меня отталкивать. Хорошо? – нежно спрашиваю я брата и пытаюсь улыбнуться. Глэн мельком смотрит на меня и утвердительно кивает. – Что читаешь? Или играешь во что-то?

Брат молчит пару секунд, а после поднимает глаза и с опаской спрашивает:

– Ты разбираешься в аббревиатурах? Как думаешь, что такое СЭ? Я облазил все сайты, но так ничего и не нашёл. Точнее нашёл, но все варианты такие глупые.

На секунду мне кажется, что мир замер. Я слышу звон в ушах и чувствую, как кружится голова. В глазах темнеет, я упираюсь рукой в стол, будто хватаюсь за спасательный круг. Не знаю, сколько проходит времени прежде, чем Глэн начинает трясти меня за плечи. Я прихожу в себя и вижу испуганное лицо брата. Боюсь представить, как я сама сейчас выгляжу. Я чувствую, как меня бьёт мелкая дрожь.

– Откуда у тебя это сокращение? – шепчу я. Глэн смотрит на меня, как на сумасшедшую. – Где ты его увидел?

– Эммелин, пустяки. Это неважно. Посмотри на себя. Тебе нужно прилечь, – говорит брат, но я сильно сжимаю его руку.

– Прошу, Глэн, скажи мне. Ты получил записку? Подписанную этими буквами? – мне кажется, что я кричу, но на самом деле мои силы словно закончились. Этот страшный шёпот ещё сильнее пугает брата. Он непонимающе трясёт го-

ловой.

– Электронное письмо вообще-то, – отвечает он растерянно. – Откуда ты знаешь? Ты тоже получила? Это от кого?

Я не знаю, что мне ответить брату. Я боюсь его напугать ещё сильнее, боюсь подвергнуть опасности. Не знаю, сколько времени я молчу, в чувства меня приводит голос сестры.

– Сока больше не осталось? – спрашивает Сади, а я не могу вспомнить, в который раз она произносит эти слова, и как она вообще здесь оказалась. Я протягиваю ей свой стакан с соком.

– Пойдём ко мне в комнату, – прошу я брата и, не дожидаясь его ответа, поднимаюсь вверх. Слышу, как он медленно идёт за мной.

Я запираю комнату и сажусь прямо на пол, Глэн садится рядом.

– Ты объяснишь мне, что происходит? – спрашивает брат. Я понимаю, что не могу рассказать ему всю правду. Не потому, что считаю его слишком маленьким или бесполезным. Просто это единственное, что я могу сделать как старшая сестра. Защитить его хотя бы так. Я решаю, что нужно импровизировать.

– Покажи мне сперва письмо, хорошо? – прошу я брата осторожно и спокойно, чтобы больше не пугать. Я вижу, как он немного расслабляется. Я ругаю себя за то, как необдуманно веду себя с ним.

Глэн включает планшет, который принёс с собой, заходит

в почту, находит нужное письмо, а после протягивает мне. Мои руки трясутся, я делаю глубокий вдох.

«Привет, Глэн! Давай поиграем. Я буду твоим проводником в мир, где раскрываются тайны, где нет святых, есть только грешники, которые хорошо скрываются под масками.

Для начала давай вспомним, что такое мёртвый мяч. Ты же любишь футбол, не так ли? Я тоже. И мёртвый мяч – это то, что мне всегда удавалось лучше всего.

Хочешь ответы на свои вопросы? Смотри в нижнюю часть турнирной таблицы, если это действительно важно для тебя. Но помни, что победителем в этом матче всё равно буду я. От твоей команды, в конечном итоге, ничего не останется.

СЭ»

Я начинаю паниковать. Я не понимаю чёткого смысла письма, но одно понимаю точно – это угроза. Ещё одна.

– Я подумал, что это спам. Слишком уж всё бессмысленно, – сказал Глэн. Я вцепилась в эту версию, как будто нашла спасение. Верить в то, что эти слова лишь чья-то шутка, для Глэна будет проще всего.

– Думаю, ты прав. Какой-то набор слов, – я смеюсь. Брат расслабляется окончательно, он, кажется, даже слегка повеселел. – Думала, здесь что-то существенное. СЭ? Это разве не Спорт-Экспресс? Ты заказывал там себе мячи. Может, они рассылают так рекламу?

Лицо брата проясняется. Он утвердительно кивает. Я его убедила.

– Ты права. Как же я сам не подумал. Спасибо, Эммелин, – Глэн на секунду замешкался. – Ты как себя чувствуешь? Мне показалось, что ты испугалась.

– Нет, всё нормально. Просто голова закружилась. Не ела ничего целый день, – отвечаю я как можно спокойнее.

– Я могу принести тебе сэндвич, если не хочешь спускаться к ужину. Я слышал, вы с мамой снова ругались, – брат мне улыбается.

Я чувствую, будто вся любовь мира собралась сейчас в моём сердце. Я подвигаюсь ближе и обнимаю Глэна. Я всегда любила его так сильно, что порой не замечала, что он уже не маленький, что может быть мне другом наравне с Хиксом.

– Было бы чудесно, – шепчу я.

– Я был не прав. С возрастом ты становишься ещё более сентиментальной. Обнимаешь меня уже второй раз за неделю, – я смеюсь в ответ на слова брата.

Когда Глэн уже почти выходит из комнаты, я вдруг спрашиваю его о том, что показалось мне более странным, чем всё остальное.

– А что такое мёртвый мяч? Это что-то из футбола?

– Это удар, который принято называть неотразимым, – отвечает брат и улыбается. – В том смысле, что вратарю практически невозможно поймать или отбить такой удар. Как говорится – без шансов.

Глэн выходит, и я остаюсь в комнате одна. Тишина давит на барабанные перепонки, я стараюсь дышать ровно.

Мне было четырнадцать, так же как сейчас моему брату, когда я впервые получила записку. Я пришла домой, а на пороге лежал маленький листок бумаги, обычная страница из школьной тетради. А внутри лишь пара слов неизвестным почерком.

«Привет, Эммелин!

Давай поиграем.

СЭ»

Потом было ещё несколько. И все они были такими странными, непонятными. И только сейчас я, наконец-то, сообразила. Для него это действительно игра. Убийца папы не останавливается. Он выполняет своё обещание убить нас всех. Но, видимо, просто убить – скучно. Поэтому мы играем. А что есть в играх? Правильно, загадки.

Я лезу под кровать, достаю свой ящик с секретами. Такой делают девочки в пять лет. Но есть плюсы в том, чтобы хранить в нём всё, что важно. Мама в него никогда не заглядывает. Я открываю ящичек и достаю оттуда четыре записки. Раскладываю перед собой, вчитываюсь в каждое слово. Что ж, игра началась.

Несколько часов я провожу, перечитывая записки, и пытаюсь понять хоть что-то. Но я слишком взволнована, а голова словно раскалывается на части. У меня ничего не получается. К тому же для полной картины мне не хватает письма, адресованного Глэну. Я провожу достаточно времени, раздумывая, как его получить, а после просто иду в его комнату.

Брат сидит у телевизора, держа в руках тетрадь и ручку. Когда брат видит меня, он начинает что-то усиленно писать. Я смеюсь.

– Не притворяйся. Я знаю, что ты всё равно не учишь уроки, – говорю я, улыбаясь.

– Не говори маме, – просит брат. – Не то чтобы я боялся её гнева, но тратить полчаса жизни на выслушивание лекции не хочу.

Сперва я улыбаюсь, но сразу же заставляю себя сделать серьёзное лицо.

– Не говори так о маме. Не желаю такого больше слышать, – произношу я строго. Глэн закатывает глаза.

– Прошу – перестать быть мамой и стать снова моей сестрой, которой всегда было всё равно, – просит брат. Его слова задевают меня. Но я не должна обижаться, ведь он прав. Я почти никогда не интересовалась жизнью Глэна и Сади. – Ты что-то хотела?

– Можно воспользоваться твоим компьютером? – спрашиваю я. – Мне нужно распечатать пару файлов, а мой принтер, похоже, завис.

– Без проблем, – отвечает брат и встаёт. – Я на кухню. Тебе принести что-нибудь?

– Ничего не нужно. Те сэндвичи, что ты принёс до этого, ещё не переварились, – отвечаю я шуткой, чувствуя, как сильно бьётся сердце. Я боюсь, что брат разгадает мой план, что начнёт задавать вопросы и больше не будет верить в вер-

сию со спамом. Но Глэн лишь пожимает плечами и выходит из комнаты.

Я сажусь за компьютер, открываю почту брата и нахожу письмо. Внимательно изучаю его, а после отправляю в печать. Узнать отправителя по емейлу – невозможно, особенно, если адрес его электронной почты подписан теми же самыми буквами. СЭ. Голова начинает гудеть. Я не могу разгадать этот шифр, хотя в нём всего-то две буквы. Беру себя в руки, наскоро открываю какую-то статью про млекопитающих, распечатываю для прикрытия.

Но когда Глэн возвращается, он не обращает внимания на то, что именно я печатаю. Он снова садится перед телевизором, поедая чипсы из пачки.

– Разве чипсы не вредны для спортсменов? У вас же своё питание, диета, – говорю я брату.

– Ты путаешь меня с Хиксом, – отвечает Глэн, и я слышу в его голосе ревность. – Это он у нас качок. А я всего лишь в футбол играю. Не самым лучшим образом, между прочим.

– Просто ты относишься к этому несерьёзно, – отвечаю я брату. – Я уверена, что, если ты действительно постарайшься, сможешь добиться успеха.

Глэн слабо улыбается, я вижу, что ему приятны мои слова, хоть он и пытается не выдавать этого. Я выхожу из его комнаты и возвращаюсь в свою. Теперь у меня есть все подсказки, какие пока предоставил мне убийца.

Конечно, кажется, что разумнее было бы обратиться в по-

лицию, рассказать всё, потребовать снова открыть дело, искать убийцу. Но я понимаю, что никто не будет этого делать. Никто не примет всерьёз набор слов из этих записок и тем более не будет разгадывать загадки. Отец Джоса уже один раз бросил это дело, во второй раз он даже не возьмётся за него. Джос...

– О, Господи, – шепчу я, когда понимаю, что не пошла на встречу с Джосом сегодня. За всеми этими записками я забыла, как обещала встретиться с парнем на крыше. На часах девять вечера. Отлично. Думаю, сегодня его там уже нет. Извинюсь завтра.

Я понимаю, что слишком устала думать о чём-то, но всё же стараюсь отгадать хотя бы слово, пока не засыпаю прямо на полу.

Утром всю дорогу до школы я думаю о Джосе, подбираю слова, чтобы извиниться, но так ничего и не нахожу подходящего. Я вижу Джоса в толпе впереди себя, хочу догнать его, а потом понимаю, что он идёт в сторону стадиона. Как в тот день, когда я впервые его увидела. Он поднимается на самый верх, а я поднимаюсь за ним.

– Из тебя плохой преследователь. Я услышал твои шаги почти сразу, – говорит мне Джос и поворачивается.

Наверное, впервые за все эти дни я смотрю на парня без стеснения и понимаю, что не замечала раньше, какой он. Я вижу, что его короткие волосы слегка выются, но, видимо, Джос обстригает их так, чтобы этого не было заметно. Ви-

жу, что у него сильные руки и широкие плечи. Вижу, какой он на самом деле симпатичный. Почему-то раньше я совсем не обращала на это внимания.

– Чего ты так смотришь? – с улыбкой спрашивает парень. – Я надеюсь, что ты молчишь потому, что подбираешь слова извинения. Я просидел на той чёртовой крыше четыре часа.

– Прости, – выдыхаю я. Не могу найти слов, не могу ничего произнести. Просто смотрю на Джоса и боюсь себе признаться в главном. Я не могу использовать его. Он слишком хороший для этого. Но сразу же я вспоминаю его отца, записки и письмо, закрытое дело, слова тёти Мирты.

Джос долго молчит, а после смеётся.

– Ты сегодня некрасноречива, – отвечает мне он. Я слышу, как звенит звонок. – Ты на урок идёшь?

– А ты? – тихо спрашиваю я. Джос садится и ставит рюкзак на соседнее сидение.

– Как видишь, нет. У меня литература, – парень демонстративно зеваает. – Скучно.

– А мне казалось, что ты любишь литературу, – говорю я Джосу и подхожу ближе. Я сажусь на соседнее сидение, между нами остаётся рюкзак, разделяя нас. Джос поднимает бровь в удивлении. – Я видела, как ты пишешь. Часто. Подумала, что это стихи.

Джос смеётся.

– Эммелин, я разгадал твою главную тайну, – говорит он

мне. – Ты видишь во всех людях что-то волшебное. То, чего нет на самом деле. Если хочешь себе в компанию идеальных людей, ты зря пришла сюда. Я не такой.

– Стихи пишут только идеальные? – спрашиваю я, не понимая, что Джос имеет в виду. Или делаю вид, что не понимаю.

– Не притворяйся, что не знаешь, о чём речь, – отвечает Джос. – Я не о стихах, а о поступках в общем. Я не хороший, не жди от меня, что я буду всегда мил и вежлив, учтив и заботлив.

– Я жду от тебя, что ты никогда не будешь притворяться, – отвечаю я и чувствую, как мои щёки вспыхивают. Я требую от парня того, чего сама не в состоянии ему подарить. – Можешь не вытирать мои слёзы из-за двойки по контрольной.

– Ты не плачешь из-за двоек, – улыбается Джос. На этот раз улыбка тёплая. Парень выглядит смущённым. – Ты сильная девочка, хоть и со скрипкой.

– Это ты мне такое прозвище придумал? Девочка со скрипкой? – я улыбаюсь в ответ. Чувствую, как напряжение между нами спадает с каждой секундой, но вместо него образуется новое, совсем не такое, как прежде. Не то, что отталкивало нас, а то, что, наоборот, притягивает со страшной силой.

– Не совсем прозвище, – отвечает Джос. Я вижу, как он сомневается. Видимо, не хочет говорить. Но я смотрю прямо на него, задавая этот вопрос мысленно раз за разом. Па-

рень сдаётся. – Просто я не знал твоего имени, потому и стал так называть. Не знаю, помнишь ли ты, но впервые мы увиделись...

– В доме твоего отца, – перебиваю я парня. Мне больно и страшно говорить об этом. Я не хочу ошибиться, выдать себя, но Джос отрицательно качает головой.

– Нет, раньше. Ты просто не помнишь. Я неправильно выразился. Не «мы» увиделись. Я увидел тебя, – говорит Джос. Он не улыбается, но его тихий голос словно наполнен теплом и светом. Каждое слово скользит, словно шёлк. Я чувствую, как окунаюсь в него полностью. – Нам было по десять. Мы учились в разных классах, но однажды, когда в школе устраивали конкурс талантов, ты пришла на репетицию со скрипкой. Сейчас смешно вспоминать. Ты выглядела забавно с большим футляром. Но я видел, как сильно ты была горда собой. Я прокрался на репетицию, чтобы послушать, умеешь ли ты правда играть, или может, просто притворяешься. Но ты умела. До сих пор помню ту мелодию, хотя, наверное, никогда не смогу повторить её.

Я слушаю, затаив дыхание, жадно глотаю каждое слово и всеми силами пытаюсь не верить ни одному из них. Но сделать это сложно. Я понимаю, что он не врёт. Всё это было на самом деле: и концерт, и скрипка, и огромный футляр.

– Когда я слушал, как ты играла, мне казалось, что я улетел куда-то далеко, что я стою не у двери, а словно, – Джос на мгновение замолкает, подбирает правильное слово. Но я

уже знаю, какое. Я прекрасно помню, что именно играла в тот день, ведь это был мой первый концерт. И название той пьесы я запомнила навсегда.

– В цветочном саду, – заканчиваю я за Джоса, а он утвердительно кивает.

– В цветочном саду, – повторяет он тихо. – Вот тогда я и начал называть тебя девочкой со скрипкой. Ведь всё, что я знал о тебе, это что ты и вправду девочка, и что ты таскаешь за собой везде свой футляр.

Я смеюсь. Мне приятны эти воспоминания, хотя я до сих пор не верю до конца в то, что Джос помнил это всё столько лет.

– А уже потом, когда ты пришла к нам домой, я узнал твоё имя и фамилию, твой адрес, – говорит Джос, а я лишь сжимаю руку в кулак. Что же ещё рассказал ему отец? Что он ещё знает? Не могу отделаться от мысли, что вся моя затея глупая. Ведь я не могу полностью погрузиться в общение с Джосом, я то и дело вспоминаю прошлое. Хотя, может, это и на пользу. Так я уж точно никогда не влюблюсь в него.

– Про годовщину тоже от отца узнал? – спрашиваю я, Джос утвердительно кивает.

– Можно и так сказать. Твоя мама каждый год приглашает отца на ужин, чтобы почтить память мистера Ллойда.

– Не помню его в этом году, да и в прошлом тоже, – не верю я словам Джоса.

– В этом году его не было. Отца вызвали в участок. Он

попросил сходить к вам и выразить сожаление, извиниться за него. Что я и сделал, точнее пытался сделать. Когда шёл к вам домой, увидел, как ты убегаешь. Пошёл следом. Дальше ты сама знаешь, – Джос рассказывает спокойно. Его голос меня словно усыпляет. Я борюсь с желанием взять Джоса за руку или хотя бы просто прикоснуться. Я боюсь таких своих желаний.

– Прости, что злюсь на тебя всегда. Ты не виноват. Всё дело в, – я замолкаю, понимая, что сказала лишнее и теперь не имею понятия, как выпутаться.

– В моём отце, я полагаю, – отвечает Джос, и я на мгновение словно перестаю дышать. Такого поворота я не ожидала. – Не отрицай. Я знаю, что ты злишься на него. Всем известно, что мой отец закрыл то дело об убийстве, и никто не понёс наказание за преступление. Думаю, тебе это не нравится. Ты вправе злиться на моего отца. Но моей вины в этом нет. Подумай об этом, хорошо?

Джос встаёт и забирает рюкзак. Я не знаю, что сказать, чтобы остановить его. Но какой-то частью души я не хочу его останавливать. Я понимаю, что он прав, но не могу принять этого.

– У меня следующая химия, не хочу пропустить, – говорит Джос и спускается вниз по ступенькам.

– Удачи, доктор, – шепчу я, но парень этого не слышит. Я провожу руками по лицу, пытаюсь успокоиться. Встаю и тоже спускаюсь вниз. Нужно идти на уроки, иначе мисс

Вейли не простит мне пропуск урока французского.

Весь оставшийся день я пытаюсь найти в словах Джоса тайный смысл, но чем больше думаю, тем больше убеждаюсь в том, что я ошибаюсь на его счёт. И пусть он не идеальный, он во всяком случае намного лучше, чем я. Он не скрывает ничего, не боится говорить об отце и его ошибках, не стесняется своих чувств и воспоминаний.

Я понимаю, что не могу влюбиться в него ещё по нескольким причинам. Просто я буду недостойна его, ведь каждое моё действие по отношению к нему в данный момент – это обман. Или не каждое? Я стараюсь не думать больше о Джосе и, вернувшись домой, снова запираюсь в комнате. Нужно начать с самой первой записки, нужно разгадать хоть что-то, и тогда, возможно, у нас с Джосом будет хоть какой-то шанс не стать врагами на всю жизнь.

Хотя, по сути, первая записка ни о чём существенном мне не говорит. Убийца знает моё имя. Ничего удивительного. Должно быть, он знает всё о моей семье. И всё-таки интересно, зачем он ждал три года и только потом прислал мне первую записку. Неужели это тоже часть игры, какой-то план. Наверное, он всё неплохо спланировал. К тому же это весьма удобно – присылать свои угрозы детям, которые ничего не смогут сделать, и которым никто не поверит.

Вторая записка пришла через пару месяцев после первой. На таком же тетрадном листе, тем же неизвестным почерком.

«Милая!

Знаешь ли ты, что настоящий странник не стремится пройти весь путь сразу? Он перебирается от места к месту, устраивает ночлеги, передышки. А потом, полностью восстановив силы, продолжает свой путь. Ведь когда ты полон энергии, всё удаётся. К тому же, у тебя всегда есть время обдумать свои дальнейшие шаги.

Шаг первый – все тайны должны быть раскрыты, однако отнюдь не мной. Ведь мы верим лишь в то, что видим сами.

Поиграем в правду?

СЭ»

Что ж, если спокойно рассудить, то можно предположить следующее. Он сравнивает себя со странником, говорит, что достаточно отдохнул и полон сил для дальнейших свершений. Убийца обещал папе изводить нас вечно. Думаю, в этом его план – угнетать нас морально для начала, а потом уже убивать. Ему нравится наблюдать за нашими страданиями. Значит, он всё же где-то рядом, иначе как бы он видел это?

Но что за намёки о тайнах? И в письме к Глэну это упоминалось. «Я буду твоим проводником в мир, где раскрываются тайны, где нет святых, есть только грешники, которые хорошо скрываются под масками». Не хочет ли убийца сказать мне, что у отца были какие-то секреты? Не думает ли он, что какие-то папины поступки могут оправдать его убийство?

Поиграем в правду? Что ж, пока единственное, что я могу, это действительно играть, следовать указаниям, хотя понимаю, что они могут привести меня к смерти. Но страш-

нее другое. Если письма стали приходить Глэну, то он тоже в опасности. И вот ради него и Сади я готова пожертвовать чем угодно.

Третья записка пришла через год, спустя пару дней после папиной годовщины, так было и с четвёртой запиской, и с письмом Глэна. Я в этом году не получила ни строчки. Может, меня списали со счетов? Или убийца понял, что я не играю по его правилам?

Я понимаю, что моя голова сейчас лопнет от такого количества информации, но я продолжаю.

«Дорогая Эммелин!

Если человек не может справиться с заданием в открытую, он использует хитрые приёмы. Иногда, чтобы добраться куда-то, нужно использовать подземные ходы. И не стоит бояться, что там живёт монстр, ведь ты уже большая. Однако будь осторожна. Там может оказаться что-то пострашнее рогатого чудища, там может быть правда.

СЭ»

Я обхватываю голову руками и пытаюсь настроиться на нужный лад. Слова такие простые, и я чувствую, будто ответ, разгадка лежит на поверхности, но не могу отыскать её среди миллиона мыслей. Всё кружится в голове, смешивается. Мне хочется кричать.

В себя меня приводит телефонный звонок. Хикс. Неужели он вспомнил обо мне?

– Привет, Эмми, – весело говорит он мне, а я удивляюсь.

Так меня ещё никто не называл. Не понимаю, с чего вдруг брат так сократил моё имя.

– Эмми? – переспрашиваю я. – Ты случайно номером не ошибся? Знаешь, кому звонишь?

– Конечно, знаю, – так же весело отвечает брат. – Своей красавице сестрёнке. Серьёзно, ты не знаешь, что такое Эмми?

– Эм, – протягиваю я. – Церемония награждения в индустрии кинематографа? Об этом говорим?

– Да, ты знаешь, что изображено на статуэтке? Женщина с крыльями держит в руке атом. В этой статуэтке весь смысл, вся суть. Абсолютный синтез искусства, науки и технологий. В этом вся ты, – мечтательно произносит Хикс, а я не могу поверить своим ушам.

– Ты под кайфом, что ли? – резко спрашиваю я, готовясь бросить трубку. Не хватало ещё разговаривать с ним в таком состоянии.

– Ой, да перестань, – говорит Хикс и снова становится серьёзным. – Хотел тебе комплимент сделать. Тебе не угодишь, Эммелин.

– Только не делай вид, что обижен. Иначе я вспомню все твои грехи, – дерзко бросаю я ему в ответ. Кузен фыркает.

– Это ещё какие?

– А что, та девица уже ушла из твоей комнаты или всё ещё там? Ты все эти дни был занят ею? Ты столько дней, – я принимаюсь перечислять всё, что меня злит, а кузен меня

перебивает.

– Ладно-ладно. Прости, хорошо? – говорит он, и я успокаиваюсь. Никогда не умела злиться на него. – Знаю, нужно было раньше позвонить. Мне было стыдно.

– Ты можешь развлекаться с кем угодно, Хикс. Я не ревную. Но мне жаль видеть, как ты себя губишь, как пускаешь всё по ветру. Твои девицы доведут тебя. Сколько раз ты ещё будешь плевать на всё ради них? – завожусь я и понимаю, что злюсь по-настоящему.

– Я могу плевать на всё только ради тебя? – резко спрашивает Хикс, и я заливаюсь краской. Я хочу сделать вид, что не понимаю, о чём он, но я прекрасно понимаю. – Я позвонил помочь. Ты, видимо, не в духе.

Я молчу около минуты, пытаюсь взять себя в руки. Кузен тоже не произносит ни слова. Мы оба виноваты друг перед другом. И дело совсем не в этом разговоре. Мы понимаем это и всегда понимали.

– Мне не стоило, – начинаю я, наконец, а Хикс меня перебивает.

– И мне не стоило. Мир? – я слышу, как он улыбается в трубку. Я знаю каждое его движение, хоть и не вижу его. – Ты говорила, что решила пообщаться с Джосом. Как успехи?

– Пока никаких. Я разбираюсь с другим делом, – за мгновение я решаюсь попросить у Хикса помощи. – Помнишь, я говорила тебе о записках?

– Помню, – встревоженно соглашается Хикс. – Снова по-

лучила?

– Нет, не я. Глэн. Ему прислали емейл. И я решила разгадать то, что здесь зашифровано.

– Зашифровано? – спрашивает Хикс. Я уверена, что он сейчас отрицательно качает головой. – Мэли, там ведь просто набор слов. Какой шифр?

– Не знаю. Это загадки. И я не думаю, что они слишком сложные. Он бы не послал те, которые я бы не смогла отгадать. Иначе было бы неинтересно, – поясняю я.

– Интересно? Как это вообще может быть интересно адекватному человеку? – вскрикивает Хикс.

– Адекватные люди не убивают, – я на секунду задумываюсь, всё ещё поглядывая на третью записку. – Знаешь, тут есть слова про подземные ходы и монстров, которые там живут. Что это может быть?

– Эммелин, – смеётся кузен. – Ну ты о чём? Монстры? Те, которые выходят ночью из шкафа и шумят днём в подвале, пока родителей нет дома? Не знаю, стоит ли рассматривать эти записки сумасшедшего всерьёз. Мне кажется, у кого-то просто крыша поехала.

– Может, ты и прав, – отвечаю я, хотя понимаю, что это не так. – Ты когда приедешь? Снова через полгода?

– Не знаю, – грустно отвечает Хикс. – Если бы мог, приезжал бы каждые выходные. Но слишком много учёбы, и путь неблизкий, ты же знаешь.

– Знаю, – говорю я кузену. Не хочу слушать его оправда-

ния. На самом деле он мне ничего не должен, ничем не обязан. – Ладно, была рада тебя слышать. Не пропадай, пожалуйста.

– Куда я от тебя денусь, – отвечает мне Хикс, и я вешаю трубку.

Я тяжело вздыхаю и понимаю, что этот разговор не принёс мне ничего хорошего. Только неловкость и сожаление. И как бы ни было печально, теперь так будет всегда. Есть моменты в жизни, которые нельзя забыть, как бы ты ни старался. Можно притуплять память, стараться не думать, но они всё равно будут вспоминаться и мешать. Есть моменты, из-за которых уже ничего не будет как прежде.

Это было в прошлом году на Рождественских каникулах. Хикс только приехал из колледжа и по привычке залез в моё окно. Мы сидели на полу в моей комнате, укутавшись пледом, и разговаривали.

– Почему ты не хочешь с ней встречаться? – спросила я его. Мы обсуждали девушку из колледжа, которая была влюблена в Хикса. Должна признать, это была единственная девушка, которая мне нравилась. Она идеально подходила на роль его подружки.

– Не хочу и всё, – тихо ответил мне кузен. – Разве важна причина?

Я пожала плечами.

– Что с тобой, Хикси? Не узнаю тебя. Что тебя так сильно тревожит? – спросила я брата ласково и взяла за руку.

– Просто в жизни столько странных вещей. Почему всё зависит от мнения общества? Почему людям так часто мешают глупые предрассудки? Какая-то мораль? Кто её придумал? – пылко говорил парень, и я видела, что ему больно.

– Ты слишком много выпил сегодня, – ответила я ему и улыбнулась. – Завтра проснёшься, и будто ничего не было.

– Правда? – удивился Хикс. – Тогда никто не осудит меня сегодня. Грустного выпившего парня, который надеется, что с рассветом всё забудется.

Я не понимала его слов, но меня не покидало странное чувство. Будто воздух между нами наэлектризовался. Я боялась пошевелиться, словно меня в любой момент могло ударить током.

– Странно, что может сделать с нами общество. Нас называли кузенами и заставили быть ими всю жизнь. Никто и не спросил нашего мнения. Это всего лишь слова, формальности. Кем бы мы были без этих титулов? – спросил парень шёпотом, я вся покрылась мурашками.

– Не знаю, Хикс, – прошептала я в ответ.

Хикс смотрел на меня вечность. Мне показалось, что прошло несколько жизней, что всё изменилось. Так на самом деле и было. Он наклонился и поцеловал меня. Не в макушку, как всегда, и даже не в щёчку, как в детстве. Он поцеловал меня по-настоящему. Я почувствовала вкус вина, огня и нежности на его губах. На время поцелуя я перестала быть девочкой, которая боится записок, плачет по отцу, ссорит-

ся с мамой. Я стала той Эммелин, какой всегда меня видел Хикс.

– Мэли, прости, – выдохнул Хикс, отстранившись. Его взгляд был полон вины вперемешку с нежностью. Мне хотелось обнять его и не отпускать, но я понимала, что нельзя этого делать, иначе всё изменится. Хотя на самом деле к тому моменту всё уже и так изменилось.

– Хикс, тебе нужно поспать, – только и вымолвила я, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя на самом деле внутри всё разрывалось. Меня будто наполнили до краёв огнём, я боялась сгореть заживо.

Мы никогда не говорили об этом после, не затрагивали эту тему. Продолжали быть сестрой и братом, но в душе каждый знал, что в тот день всё поменялось в корне. Мы не начали никакие отношения, но тот поцелуй нам показал одно – на самом деле мы не такие уж и кузены друг для друга.

И сегодня при разговоре с Хиксом я снова ощутила ту самую неловкость, когда не знаешь, кто вы друг для друга, чего можете требовать и что смее испытывать. Голова шла кругом. Главное не сорваться. Нельзя рушить отношения. Со времён поцелуя прошло почти полтора года. У Хикса было множество девушек после. И я практически уверена, что он никогда и не думал о нас с ним вместе.

Я иду в душ и долго стою под струями воды. Я стараюсь очиститься от всего, что меня мучает, но понимаю, что воде это не под силу. Никому это не под силу. Я засыпаю сразу же,

как только касаюсь головой подушки.

Во сне вижу Джоса. Он бродит по моей кухне, ищет в шкафчиках что-то, а после открывает окно и исчезает. Я кричу его имя, я хочу побежать за ним следом, но не могу открыть дверь. Я плачу и кричу, а потом слышу шорох в подвале. Мне страшно, но я всё равно спускаюсь вниз по лестнице, включаю свет и замираю от удивления. В подвале нет никакого чудовища, здесь стоит папа, он чистит ружьё, которое часто брал с собой на охоту. Я подхожу ближе, касаюсь папиного плеча и слышу громкий выстрел. Пол заливается кровью, но на этот раз она принадлежит не отцу. Кровь течёт из моего тела, оттуда, куда пару секунд назад выстрелил папа.

Я просыпаюсь снова с криком и долго прихожу в себя. Я лежу в постели, пытаюсь понять значение этого сна, хотя прекрасно знаю – сны не сбываются. Это лишь проявление нашего сознания. Но неожиданно меня словно ударяет молния. Я резко сажусь. Понимаю, что отгадала загадку, маленькую её часть. Подпольные пути, монстры. Убийца вёл меня в наш подвал, в место, где отец проводил очень много времени при жизни.

Всё утро я борюсь с желанием прогулять уроки и пойти в подвал, но понимаю, что не должна так делать. Если снова пропущу, мама узнает и будет долго читать лекции. К тому же, у меня выпускной класс. Как бы там ни было, нужно думать о будущем хоть немного. Если оно у меня есть, конечно.

Я отправляюсь в школу и с нетерпением жду возвращения домой, хотя не совсем представляю, что я могу найти в подвале такого, что укажет мне на убийцу. Вряд ли там есть какие-то секретные материалы. Дом осматривался полицией неоднократно. Да и вообще подвал у нас – это не заброшенная часть дома.

После смерти папы мы отнесли туда все его вещи. Так решила мама, и, если честно, впервые я была ей благодарна. Я не хотела стирать из своей памяти папу, не хотела избавляться от всего, что напоминало мне о нём, но наткнуться на его вещи раз за разом было просто невыносимо.

Первые несколько месяцев я заходила в папину комнату, садилась за стол, за которым он часто писал какие-то отчёты, укутывалась в его вещи, которые, как мне казалось, хранили его запах. И каждая эта секунда, проведённая в таких воспоминаниях, меня уничтожала. Я принималась плакать почти сразу, как только входила, и успокаивалась нескоро.

В тот день мама нашла меня в папиной комнате, рыдающей на полу в обнимку с его старым халатом.

– Милая, давай ты возьмёшь себе всё, что действительно хочешь иметь в память о папе, а остальное мы уберём, – сказала мне мама. – Не выбросим, просто отнесём в подвал. Ты всегда сможешь спуститься туда, как только пожелаешь. Но эти вещи больше не будут у нас перед глазами. Так будет легче. Хорошо?

Я лишь утвердительно кивнула. Сейчас я понимаю, что это нужно было сделать не только ради меня, но и ради самой мамы. Ей тоже было нелегко.

Так что теперь я даже не представляю, зачем убийце вести меня в подвал. Ведь все папины вещи мне хорошо известны, и я не помню среди них ничего странного.

Когда я подхожу к школе, то замечаю Джоса с его отцом всего в нескольких ярдах от меня. Они разговаривают о чём-то серьёзном, Джос несколько раз соглашается с чем-то. Сама не понимаю, как я оказываюсь рядом с ними, но уже через пару секунд я обращаюсь к шерифу.

– Здравствуйте, мистер Эгберт. Должно быть, вы меня не помните. Я Эммелин, Эммелин Ллойд, – я протягиваю шерифу руку, он дружелюбно её пожимает и улыбается.

– Я отлично помню тебя, Эммелин. Хотя должен признаться, что вряд ли узнал бы тебя на улице. Ты выросла, стала настоящей красавицей, – шериф говорит спокойно и размеренно. Мне кажется, что он довольно искренен со мной. Я

начинаю паниковать. Не знаю, что ему сказать, не знаю, как себя не выдать.

– Что-то случилось? – наконец спрашиваю я. – Вы выглядите встревоженным.

На самом деле – ничего подобного. По Эгберту никогда нельзя было понять, что он на самом деле думает или чувствует. Кажется, его сын перенял у него это качество.

– Вчера был убит мистер Ройстон, – отвечает мне Джос вместо отца. Я вижу, что его пугает эта новость. Я не могу припомнить, кто такой этот человек. Отрицательно качаю головой, Джос объясняет. – Энди Ройстон. Был в попечительском совете нашей школы. Входил в совет управления городом. Кажется, даже собирался баллотироваться в мэры.

– Как же это произошло? – вскрикиваю я. На самом деле любое убийство, да ещё и таких важных персон, вызывало в нашем городе ажиотаж.

В маленьких городках вроде нашего редко случаются страшные преступления. Кражи и оборот наркотиков не в счёт. Поэтому, когда кого-то убивают, об этом сразу же узнают все и долго обсуждают. Каждое подобное дело на виду у общественности. Так же было и с убийством моего отца. Много роликов по телевизору, постоянные выпуски местных новостей, газеты, соседи, прохожие. Голова шла кругом от всего этого. Каждый знал нашу семью, всех её членов, в лицо.

– Был застрелен в своей квартире, – отвечает шериф, я тя-

жело вздыхаю. Стараюсь не проводить никаких параллелей, но тут же начинаю выдвигать версии.

– Застрелен, – тихо произношу я.– В квартире. Так же, как...

– Нет, Эммелин, даже и не думай, – перебивает меня шериф. – Я знаю, о чём ты. Это никак не связано с твоим отцом. Это типичное убийство. Никаких особых признаков.

Я молчу около минуты. Никто не произносит ни слова. Время тянется вечно. Я пытаюсь поверить в слова шерифа. Да, он прав. Я просто хватаюсь за всё подряд, просто ещё надеюсь, что кто-то мне поможет. Я успокаиваюсь, верю Эгберту, киваю головой.

– Я сделал всё возможное, чтобы найти убийцу твоего отца. Но ничего не вышло. Прости. Я знаю, это трудно принять, – говорит мне шериф, и моё спокойствие растворяется в воздухе. Меня охватывает гнев, я еле сдерживаю себя, чтобы не наброситься на него. Меня останавливает лишь рядом стоящий Джос. Не хочу выглядеть перед ним слабой.

Шерифу действительно не стоило говорить, будто он сделал всё возможное. Я знаю, что это не так. Почему же он врёт мне прямо в глаза? Почему же он так спокоен, излучает такую уверенность, такую искренность? Как можно правдиво врать?

Меня приводит в чувство звонок на урок. Шериф покидает нас и спешит в школу, должно быть, чтобы пообщаться с директором.

– Эммелин, я хотел поговорить с тобой, – начинает Джос, но я не хочу сейчас слушать его. Я стараюсь не сорваться, стараюсь осмыслить всё, что происходит вокруг. Я чувствую, что начинаю сдаваться. Не такой я была всегда, не такой меня воспитывал отец, не такой меня всегда видел Хикс. От мыслей о кузене моё сердце отзывается болью. Я чувствую и понимаю, что сейчас всё меняется не только в моих отношениях с Джосом, не только в моём так называемом расследовании. Всё становится иначе с Хиксом, и мы оба это замечаем, потому так тщательно избегаем и друг друга, и ситуаций, которые могли бы нас спровоцировать.

– Прости, я опаздываю. Увидимся на биологии, – отвечаю я и убегаю в школу, лишь на ходу вспоминая, что биологии сегодня на самом деле нет. Я боюсь посмотреть в глаза Джосу, боюсь сорваться, боюсь перенести на него ненависть к его отцу.

Джос пытается поговорить со мной в перерывах между уроками, он находит меня в коридорах, а я выдумываю множество причин, чтобы не общаться с ним. Не знаю, почему, но мне не хочется сейчас видеть его.

После уроков я спешу домой, чтобы наконец-то спуститься в подвал. Я вижу, что мамины вещи на месте, значит, она дома, но её нет на кухне, и мне это даже на руку. Пока все заняты своими делами, я смогу спокойно сделать то, что планирую.

Я спускаюсь в подвал и чувствую, как быстро начинает

биться сердце. Я аккуратно наступаю на каждую ступеньку, словно они могут сломаться прямо сейчас. Я слышу скрип, чувствую запах пыли, понимаю, что пути назад нет. Я осознаю, что вряд ли убийца делает всё это просто так. Возможно, у моего отца и правда были секреты. И сейчас я должна быть готова ко всему. Что ж, я готова.

Я дёргаю за цепочку, загорается свет. Всё кажется таким пустым и одиноким, заброшенным, печальным. Здесь папин стол, который пахнет лаком, несколько ящиков бумаг, старые пластинки, кассеты. Здесь вся его жизнь. И моя тоже. Странно, что у меня есть мама, которая все эти годы была рядом, а отец, погибший много лет назад, всё равно остаётся для меня самым близким. Я просматриваю бумаги, перекладываю папки, перелистываю тетради. Всё впустую. Я не знаю, что я должна искать, не знаю, есть ли здесь хоть что-то на самом деле.

Проходит больше часа прежде, чем я сажусь на пол, обнимая папин халат. Он больше не пахнет моим отцом, не хранит его тепло, но он полон воспоминаний. Я не плачу, хоть сердце и разрывается от боли. Не знаю, сколько времени должно пройти прежде, чем я перестану так горевать. И проходит ли такая боль вообще?

Я понимаю, что сегодня ничего не получится. Возможно, следует обратить внимание на четвёртую записку. На мгновение я думаю о том, что же будет, если вся эта игра окажется лишь больной фантазией убийцы, если она на самом деле

не имеет никакого значения и никак мне не поможет. Может, я только зря трачу время? Кто сказал, что семнадцатилетняя девчонка сможет сделать то, что оказалось неподвластно полиции? Но все эти записки и поиски дарят мне нечто большее, чем обычное раскрытие тайн. Они дарят мне надежду. И я буду делать что угодно, пока эта надежда сохраняется.

Я убираю папин халат обратно в коробку, выключаю свет и поднимаюсь в дом. Мама по-прежнему не видно. На полу в гостиной сидит Сади и вырезает звёздочки из цветной бумаги.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я её и сажусь рядом.

Сестра откладывает ножницы в сторону и высыпает на пол банку со звёздочками, которые она уже вырезала. Их здесь больше сотни.

– Я хочу сделать звёздное небо в своей комнате, – говорит Сади и улыбается. – Хочу смотреть на них перед сном и считать каждый раз. Чтобы я могла заснуть, так и не досчитав до конца, а на следующий день начать заново. Я хочу считать их вечно.

Я смотрю на свою светловолосую сестру и не понимаю, когда она успела стать такой взрослой. Знаю, что в этом есть и моя вина. Сади всегда была предоставлена самой себе. Папа умер, когда она была ещё слишком маленькой, потом были бесконечные расследования, допросы, потом были слёзы и скандалы. Мы с мамой объявили друг другу войну. И если Глэн смог хоть как-то добиться маминого внимания, Сади

была обделена им постоянно. А я никогда и не интересовалась жизнью сестры и брата.

Я понимаю, что в последнее время это изменилось. Теперь я хочу быть рядом с ними, хочу обнимать их и разговаривать с ними, помогать и поддерживать, шутить и смеяться. Хочу быть частью их жизни. Но проблема в том, что они имеют полное право не хотеть этого. Они умеют жить без меня, без отца и без мамы. Что может быть страшнее? Да, я живу так же, но я ведь старше, я сильнее.

– Чтобы звёзды никогда не закончились, их должно быть действительно много, – говорю я сестре и беру из коробки вторые ножницы.

Мы вырезаем звёздочки, пока мои пальцы не начинают болеть, пока я не натираю себе мозоли ножницами, пока в голове не остаётся никаких мыслей, кроме одной. Я считаю каждую звезду, которую кладу в банку Сади. И цифры отбиваются в моей голове голосом Джоса, словно он считает дни до чего-то действительно важного.

Я провожу выходные на репетициях и на крыше сарая, но не встречаю ни разу Джоса. Это немного злит меня, а после я понимаю, что эта злость на самом деле значит совсем другое. Я скучаю по нему.

Как можно скучать по человеку, которого ты знаешь так мало? Чей отец вызывает у тебя ненависть? Должно быть, это всё неважно, если кто-то смог дотронуться до твоей души.

За несколько дней я так и не беру в руки четвёртую записку. Я лишь примерно помню её смысл и не решаюсь перечитать ещё раз. Я боюсь, что там не окажется той подсказки, которую я жду. Но, с другой стороны, ещё больше я боюсь, что она там будет. Я не знаю, к чему приведёт меня эта игра. Я помню, что делаю это не ради себя, а ради своей семьи, ради их безопасности. Я хочу разгадать всё и вычислить убийцу. Но что, если эта моя игра лишь приближает моих родных к смерти? Мне страшно, и я не могу найти правильное решение.

Вечером я сижу на кухне и разговариваю с братом. Мы поедаем мамины блинчики и смеёмся.

– Все говорят, что он тайно встречается с Лавандой Мур, – произносит брат, улыбаясь. Мы обсуждаем мистера Вуда, учителя биологии. – Дэвид говорил, что видел, как они целовались в кабинете.

– Он врёт, – улыбаюсь я в ответ. – И, кстати, у Лаванды есть парень. И это далеко не мистер Вуд.

Глэн снова смеётся.

– Не думал, что с тобой можно весело проводить время, – замечает брат и берёт ещё один блинчик.

– Я такая занудная, что ли? – спрашиваю я, но во мне нет ни капли обиды. Я счастлива, что могу вот так болтать о всякой ерунде со своим братом, и он не отталкивает меня. С Садди сложнее, она всегда держится холодно, а Глэн – папина копия. Всегда весёлый и добрый, умеющий прощать и забывать всё на свете.

– Нет, просто скрытная, – отвечает брат и пожимает плечами.

В дверь звонят. Я не спешу открывать, слыша, что мама спускается со второго этажа. Мне не хочется прерывать общение с братом.

– Здравствуйте, – говорит мама тише обычного. – Что Вам снова понадобилось? Я уже всё рассказала.

Я не слышу, что отвечает ей гость, но мама взрывается на месте.

– Только этого не хватало. Я не позволю, – кричит она.

Мы с братом переглядываемся и направляемся к двери. На пороге стоит шериф Эгберт.

– Мистер Эгберт, – удивляюсь я. Что ему могло здесь понадобиться? – Добрый вечер.

– Здравствуй, Эммелин. Глэн, – шериф кивает моему бра-

ту в знак приветствия. – Миссис Ллойд, если Вы не позволите мне поговорить с дочерью здесь, я буду вынужден вызвать её в участок. Подумайте, что Вам важнее: принципы или комфорт ребёнка.

Я не сразу понимаю смысл слов шерифа. Мне трудно поверить, что он пришёл сюда для разговора со мной. Может, он хочет рассказать мне что-то о смерти папы или оправдать свои действия во время расследования. Может, он хочет открыть мне какую-то тайну. Тогда абсолютно неудивительно, что мама так злится.

– Мистер Эгберт, проходите, – говорю я, мама лишь молча качает головой. Думаю, она поняла, что ничего не сможет изменить. – Где Вам будет удобнее? В гостиной или, может, в моей комнате?

– Гостиная вполне подойдёт, – отвечает шериф и садится на диван. – Но я хотел бы попросить остальных членов семьи покинуть комнату и оставить нас наедине.

– Я не оставлю свою дочь одну, – восклицает мама. – Если нужно, забирайте нас обоих в участок, но она не будет сидеть перед Вами в одиночестве.

– Вашей дочери семнадцать и с юридической точки зрения она сама может принимать такого рода решения, – спокойно отвечает шериф. Мысленно я благодарю его за это, ведь эти слова – доказательство моего законного права что-то решать.

– Шериф Эгберт, я знаю свои права, – возражает мама, а я

её перебиваю.

– Мама, да что с тобой? – спрашиваю я. – Дай нам поговорить спокойно.

Я вижу, как нелегко даётся маме решение уйти, но она покидает комнату вместе с Глэном. Наступает тишина. Мы с шерифом смотрим друг на друга и молчим. Я чувствую себя неловко, не могу понять причину его прихода и хочу узнать её поскорее.

– Джос говорит, что вы с ним общаетесь, – дружелюбно начинает шериф, я слегка удивляюсь выбранной им теме. Но потом понимаю, что так, должно быть, проще завязать разговор, установить необходимый темп и вид отношений.

– Да, правда. Мы дружим, – отвечаю я как можно спокойнее и ласковее.

– Я рад, Эммелин, что вы можете общаться, и что ты не переносишь на него своё отношение ко мне, – говорит шериф, и я заливаюсь краской. Неужели он знает о том, как сильно я злюсь?

– Я никогда не... Мистер Эгберт, – я не могу подобрать слова. Шериф улыбается.

– Я знаю, что ты злишься, тут не нужно иметь особый дар. Я не раскрыл дело твоего отца, я не наказал виновного. Я работаю шерифом уже очень давно и знаю, что чувствуют люди в таких ситуациях. Это нормально.

Внезапно мне становится стыдно. Возможно, шериф не был настолько виноват, как мне всегда это казалось. Мо-

жет, мне просто нужно было найти того, на кого можно было злиться безнаказанно?

– Что-то случилось? – спрашиваю я, резко переводя тему. Не хочу больше ни секунды говорить об этом.

– Я хотел поговорить с тобой о мистере Энди Ройстоне, – спокойно отвечает шериф. Я вспоминаю, что это о нём шла речь пару дней назад.

– Член попечительского совета? Тот, которого убили на днях? – переспрашиваю я на всякий случай, шериф утвердительно кивает. – Что я могу рассказать Вам, если я не знала его? Не представляю, как он выглядит, и до того, как Джос рассказал мне о его должностях, даже и не представляла, чем он занимается.

– Ты уверена, что никогда не видела его раньше? – спрашивает шериф. Я лишь смотрю на него с непониманием. Эгберт лезет в карман и достаёт несколько фотографий, просматривает их и протягивает мне одну.

Я смотрю на мужчину на фотографии и судорожно пытаюсь вспомнить, где могла видеть его раньше. Его лицо мне действительно знакомо. Но встречались ли мы в жизни? Может, я видела его по телевизору или в школе случайно?

– Лицо кажется знакомым, но вряд ли мы встречались, – отвечаю я. Эгберт задумывается на пару секунд.

– Ты действительно уверена, что никогда не видела Ройстона в вашем доме? – спрашивает шериф, и я удивляюсь.

– У нас дома? Что он мог делать у нас дома? – я отрица-

тельно качаю головой. Вижу, что Эгберт говорит не всё, что знает.

– Может, он приходил к твоей маме? – вновь задаёт он вопрос, который снова меня удивляет.

– К маме? Нет, мистер Эгберт, я никогда не видела его с мамой. Разве они были знакомы?

Шериф молчит около минуты, словно решает, рассказывать мне или нет. Потом он снова перебирает стопку фотографий, которую вытащил из кармана, и протягивает мне другое фото. Я словно перестаю дышать, когда вижу его.

На фотографии Ройстон целует красивую женщину. Они выглядят счастливыми. Энди Ройстон и Реджина Ллойд. Моя мама.

Не могу поверить своим глазам. Насколько давно сделано это фото? Присматриваюсь, хватаюсь за детали. Мама в сиреневом пиджаке, который купила меньше полугода назад. Это фото сделано недавно. У меня сжимается сердце.

У мамы был любовник, о котором никто из нас не знал. Неудивительно, что никто ничего не заметил. Я не бываю дома целыми днями, а если и прихожу, то закрываюсь в комнате, не обращая внимания на то, что происходит в доме. Так же поступает и Глэн, и Сади. Мама может ходить куда угодно и когда угодно. Наверное, никто из нас и не заметит, если её не будет дома всю ночь.

– Твоя мама встречалась с Энди несколько лет, – поясняет шериф, и я чувствую, как меня начинает подташнивать.

Вся эта ситуация кажется мне такой мерзкой, такой низкой и грязной. – Эммелин, ты в порядке? Ты побледнела.

– Я не знала, извините, – только и произношу я. – Вы знаете, кто его убил? Моей маме ничего не грозит?

– У меня есть несколько версий, – отвечает шериф, забирает у меня фотографию и вместе с остальными прячет её обратно в карман. – Не переживай, вам ничего не угрожает. Спасибо, что уделила мне время. Если у меня будут какие-то ещё вопросы, я заеду.

Я провожаю шерифа, закрываю за ним дверь и остаюсь наедине со своей болью. Я прохожу на кухню и вижу, как мама натирает стол тряпкой. Услышав мои шаги, она перестаёт это делать, но долго ждёт, прежде чем поднять на меня глаза. Мы смотрим друг на друга с ужасом и страхом во взглядах.

Только сейчас я замечаю, что моя мама не накрашена, глаза у неё опухли. Должно быть, она плачет не первый день. Как я могла не заметить, что у неё горе? Как мы все могли это не заметить? Хотя неудивительно. Ведь мы ничего не знали и о её счастье.

– Что ж, – тихо произношу я, – значит, тайный любовник.

Мама замирает и всё так же молчит. Это продолжается несколько минут. Тишина сводит меня с ума. Я не знаю, что именно чувствую. Злость на маму, обиду или чувство жалости к ней? Хочу ли я обвинить её или пожалеть? Я просто стою на пороге комнаты и ничего не делаю.

– Прости, Эммелин, – наконец произносит мама. – Не ду-

мала, что ты поймёшь. Что вы все поймёте. Нельзя было приводить кого-то в дом. После смерти папы вы могли... не понять этого, не принять.

– Ну, я вижу, что ты быстро смирилась с папиным отсутствием, – произношу я спокойным голосом, но внутри меня разрывает от боли. – Врала нам несколько лет. Устраивала никому не нужные поминальные обеды. Как же лицемерно, как же подло.

Мама смотрит на меня и снова молчит. Я вижу, что по её щекам текут слёзы. Я всё ещё злюсь, но делаю усилие над собой и подхожу ближе. Когда я страдала по папе, мама делала всё возможное, чтобы мне стало легче. Должно быть, сейчас моя очередь.

Я обнимаю маму, а она, уткнувшись мне в плечо, плачет. – Мне жаль, что он погиб, – произношу я и только сейчас понимаю, *что* на самом деле чувствует мама. Второй мужчина в её жизни умирает от пули.

Когда мама успокаивается, я отвожу её в комнату, укрываю одеялом, а после приношу чай с мятой.

– Спасибо, – шепчет мама прежде, чем я закрываю дверь в её комнату.

Я понимаю, что событий сегодня хоть отбавляй, но заставляю себя выбросить всё из головы и ни о чём не думать. Я долго стою под душем, потом ложусь в постель и смотрю на потолок. Идея Сади о звёздах сейчас была бы кстати. Я тоже хочу считать их вечно, чтобы они никогда не заканчи-

вались, чтобы не было возможности подумать о чём-то другом.

На следующий день после школы я не хочу идти домой. Не хочу видеть страдающую маму, вновь испытывать к ней жалость и злость, не хочу выбирать, какой мне быть по отношению к ней.

Я поднимаюсь на крышу сарая и долго смотрю на солнце, пока оно не прячется. Я ни о чём не думаю. Чувствую себя измотанной и несчастной, хотя понимаю, что это не самое правильное ощущение.

– Я знал, что ты будешь здесь, – слышу я знакомый голос и чувствую облегчение. В глубине души я рада, что буду не одна хотя бы несколько минут. Джос садится рядом. – Как ты? Знаю, тебе сейчас непросто.

– Разве расследование – это не тайна? – спрашиваю я и замечаю, что мой голос звучит агрессивно. – Имеет ли твой отец право рассказывать тебе всё, что касается моей семьи, если мы с тобой дружим?

– Ты, как всегда, во всём винишь моего отца, – усмехается Джос. Странно, что его голос, будь то злой, встревоженный или ласковый, всегда действует на меня успокаивающе. Я чувствую себя в безопасности. – Он мне не рассказывал. Никогда и ничего. Все уже знают эту историю. Не забывай, где мы живём.

Я понимаю, что он прав. Теперь это дело будут показывать по новостям, будут писать статьи в газеты, и очень повезёт,

если не будут караулить всех членов нашей семьи у дома, чтобы взять интервью.

– Зачем ты пришёл? – спрашиваю я тихо. Даже сквозь одежду я чувствую, как наши плечи соприкасаются. Как это всегда бывает наедине с Джосом, меня начинает бить дрожь. Щёки пылают, хорошо, что уже достаточно стемнело.

– Хотел тебя поддержать. Знал, что, если найду тебя здесь, значит, всё плохо, – отвечает Джос. Я смотрю на парня и чувствую, как грудь наполняется нежностью. Даже в слабом свете фонарей я хорошо вижу его лицо. На пару секунд наши глаза встречаются. По-моему, это впервые, когда мы смотрим друг другу в глаза, осознанно, долго. Это до мурашек интимный момент, я тяжело вздыхаю. Мне становится страшно, я боюсь собственных чувств. Решаю, что нужно уходить, хотя от себя никуда не убежать.

– Мне пора, – с трудом произношу я, но так и не встаю. – Я пойду.

– Мэли, перестань, прошу. Не убегай от меня всякий раз, как мы оказываемся наедине, – тихо говорит Джос, а у меня кружится голова. Я борюсь с желанием прикоснуться к парню хотя бы на мгновение. Меня пугает это.

– Ты не имеешь права так меня называть. Это только для близких, – фыркаю я в ответ, чтобы Джос не заметил моего смятения.

– Я знаю, – ещё тише произносит парень. А мне ещё сильнее хочется крепко обнять его, взять за руку по-настоящему,

ощутить его кожу, полностью, а не так, украдкой, при случайном прикосновении плечами.

– Прости, Джос, – только и произношу я. – Не стоит мне так злиться. Не стоит срываться на тебе раз за разом.

Джос поворачивается ко мне лицом, и я впервые понимаю, что знаю это лицо наизусть, хоть никогда и не прикасалась к нему. Джос долго смотрит на меня, а после наклоняется и целует. Его губы горячие, на вкус как мята, это я, наверное, запомню навсегда. Я схожу с ума от того, что Джос так близко. Я чувствую его руку у себя на волосах и боюсь, что могу сгореть заживо от его прикосновений.

– Прости, Эммелин, – шепчет Джос, отстранившись. – Я бы не простил себе, если бы ушёл, не сделав этого. А теперь, пожалуй, не смогу простить, что сделал.

– О чём ты? – спрашиваю я. – Ушёл? Куда? Я не понимаю.

– Спокойной ночи, мисс Ллойд, – говорит Джос и спускается вниз.

Я сижу на крыше достаточно долго, чтобы видеть, как уходит Джос, как с каждой минутой он отдаляется. Я считаю его шаги, как звёзды из банки Сади. После считаю свои слёзы, одну за одной. Не понимаю, о чём говорил Джос, что он имел в виду. Но я всё ещё чувствую вкус мяты, и это сводит меня с ума.

Я возвращаюсь домой поздно вечером. Брат с сестрой уже спят, мама делает вид, что спит. Когда ты знаешь правду, замечать её становится намного легче. Мамины туфли не на-

чищены, как раньше, на кухне на столе грязная посуда, дверь в комнату закрыта плотно, чтобы никто не слышал маминых слёз. Когда я захожу к себе, я делаю то же самое, чтобы никто не знал о моих переживаниях.

Утром меня будит не мамин голос и даже не будильник. Я просыпаюсь от звонка в дверь, настойчивого. Мы с мамой спускаемся вниз одновременно, вместе открываем дверь. На пороге снова шериф Эгберт.

– Миссис Реджина Ллойд, – произносит он строго. В дом входят ещё несколько человек в форме. Я не могу понять, что происходит. – Вы арестованы по подозрению в убийстве Энди Ройстона. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вы понимаете свои права?

Мама утвердительно кивает. В её глазах я вижу страх и растерянность.

Я слушаю слова шерифа, вижу, как на маму надевают наручники, как выводят её из дома и сажают в полицейскую машину. Я вижу, как виновато смотрит на меня шериф Эгберт. И я понимаю, что с этого момента моя жизнь разрушена окончательно.

Я стою без движения, похоже, целую вечность. Чувствую, как шериф касается моей руки.

– Держись, Эммелин, – тихо говорит он мне, а я готова наброситься на него прямо здесь. Как он может пытаться поддержать меня после того, как арестовал мою мать? Неужели этот человек будет и дальше причинять мне такую боль?

– Можно мне поехать с мамой? – спрашиваю я, понимая, что мои эмоции сейчас не главное.

– Нет, – отвечает мне Эгберт. – Ты должна остаться дома.

– Я не могу бросить маму. Ей нужна моя поддержка, – почти умоляю я. Шериф смотрит на меня тепло и ласково, но меня это раздражает ещё больше.

– Поддержка сейчас нужна твоим брату и сестре. Оставайся дома, сегодня к вам придёт работник социальной службы, – говорит Эгберт, и я еле сдерживаю себя, чтобы не закричать. Я понимаю, что это значит.

– Глэна и Сади заберут? Куда? – я не хочу верить в то, что происходит. Я всё ещё надеюсь, что сейчас проснусь, как всегда это бывает после ночных кошмаров. Я так хочу, чтобы всё это было неправдой.

– Вас никто никуда не заберёт, – поясняет шериф. Я вижу, как машина, в которую посадили маму, отъезжает от дома. Я борюсь со страхом, что больше никогда не увижу её.

– Нас? – уточняю я. – Не думала, что речь будет и обо мне. Я уже не ребёнок. Мне семнадцать лет.

– Ты несовершеннолетняя, – отвечает Эгберт. Я знаю это, я ненавижу сейчас все законы мира. – Твою судьбу будет решать социальная служба, так же, как и судьбу сестры и брата.

– Я хочу видеть маму. Я хочу, чтобы Вы объяснили, почему забрали её, – вскрикиваю я. Мне хочется кричать очень долго и громко, словно это может что-то изменить.

– Успокойся, наконец, Эммелин, – резко отвечает Эгберт. – Ты говоришь, что не ребёнок, но ведёшь себя, как маленькая. Будь сильной, раз ты такая взрослая. Позаботься о сестре и брате. Найди матери адвоката. Делай то, что делают взрослые, а не просто истери.

Шериф выходит и закрывает за собой дверь. Я остаюсь одна посреди комнаты с осознанием того, что вместо мамы теперь я. И в действительности я не имею ни малейшего представления, что делать дальше.

Теперь уже не до глупых игр с записками, не до переживаний о поцелуе с Хиксом, не о муках совести из-за Джоса. Хоть я и злюсь на мистера Эгберта, я вынуждена признать его правоту. Сейчас всё зависит от меня.

Я иду на кухню, спокойно готовлю завтрак для нас троих, потом поднимаюсь наверх разбудить брата и сестру. По всей видимости, они уже давно не спят, но вряд ли в курсе всего случившегося. Я прошу их спуститься вниз завтракать.

Мы сидим за столом на кухне и молча едим блинчики. Я

вижу, как озабочен Глэн, он понимает больше, чем Сади, что что-то не так.

– Мама ещё спит? – спрашивает брат. Я долго молчу, а потом замечаю на себе взгляд Сади.

– Мама дома нет, – отвечаю я как можно спокойнее. – Её не будет несколько дней. Пока поживём без неё, хорошо?

– Что-то случилось? – вновь спрашивает Глэн. Я смотрю на Сади и не могу решить, стоит ли ей знать правду. Но почти сразу же понимаю, что она узнает всё в любом случае. И будет лучше, если расскажу ей я, а не репортёр по телевизору.

– Маму арестовали, – отвечаю я, брат начинает кашлять. Сади молчит. Мы все смотрим друг на друга со страхом. – В школу сегодня никто не пойдёт. Должны приехать социальные работники.

– Нас заберут в социальный центр? – испуганно спрашивает Глэн.

– Я не знаю, – выдыхаю я несколько слов, будто они жгут моё горло.

Мы доедаем завтрак молча, потом расходимся по разным комнатам. Я мою посуду, убираю на кухне, а после иду в гостиную. Я сижу на диване и смотрю в пустоту. Я думаю о вчерашних словах Джоса и понимаю, что он всё знал заранее. Он был уверен, что после сегодняшнего случая я не смогу с ним общаться. Он попросился со мной потому, что знал, что его отец вновь причинит мне боль, и я не смогу простить

этого ни самому шерифу, ни его сыну.

Не знаю, сколько времени проходит прежде, чем раздаётся звонок в дверь. Я вижу на пороге незнакомую мне женщину, а позади неё тётю Мирту и Хикса. Я бросаюсь к брату. Он обнимает меня и гладит по волосам, не произнося ни слова. Это именно то, что мне нужно сейчас.

– Ты как, солнышко? – спрашивает тётя Мирта. – Держись?

Я утвердительно киваю. Мы проходим в гостиную, садимся на диван. Я смотрю на социального работника и с ужасом жду её слов.

– Эммелин, меня зовут Диана Мэдисон. Я здесь для того, чтобы ты, твой брат и сестра были в полной безопасности, – говорит она. Её голос довольно приятный, я немного расслабляюсь. Хикс сидит рядом, и это придаёт мне ещё большей уверенности.

Я смотрю на брата, тяжело дышу. Он берёт меня за руку, по телу пробегают мурашки. А ещё внезапно в груди вспыхивает чувство вины. За что? Неужели за тот поцелуй с Джо-сом?

– Вы нас заберёте? – тихо спрашиваю я и боюсь услышать ответ. Меньше всего мне сейчас нужно быть вдали от своего дома, родных, от мамы, и не иметь возможности помочь ей.

– Нет, было решено, что вашим опекуном будет ваша тётя. Мирта О'Келли. Конечно же, если вы согласны с этим. Вы можете проживать с ней здесь или же переехать времен-

но в её дом. Я буду заходить к вам довольно часто, чтобы узнать, как ваши дела, – говорит Диана. Наверное, это её работа – располагать к себе людей, но должна признать, что Диана владеет своей профессией блестяще. Каждое её слово меня успокаивает и заставляет верить этой женщине. – Также у вас будет психолог, который тоже будет приходить несколько раз в неделю, что помочь вам справиться с нынешней ситуацией. Что скажешь?

– Да, я согласна, – просто отвечаю я, не зная, что можно добавить. Хикс сжимает мою руку ещё сильнее, и я благодарна ему за это. Он не даёт мне сдаться.

Этот разговор длится ещё какое-то время. В основном Диана разговаривает с тётёй Миртой, иногда задаёт мне какие-то вопросы, а после уходит наверх, чтобы пообщаться с Глэном и Сади. Тётя идёт следом, а я не могу сдвинуться с места. Мы сидим с Хиксом на диване и молчим довольно долго, прежде чем я понимаю, что тишина делает мне лишь больнее.

– Почему ты не в колледже? У тебя будут проблемы, – говорю я Хиксу, он лишь качает головой.

– О чём ты, Мэли, – отвечает он ласково. – Разве я мог оставить тебя в такой ситуации? Мама позвонила мне рано утром, я взял билет на экспресс.

– Потратил все свои сбережения? – спрашиваю я и чувствую невероятную благодарность вперемешку с нежностью. Если я и хочу кого-то видеть сегодня рядом, то только его.

Брат не отвечает. Мы долго смотрим друг другу в глаза, пока я не подвигаюсь ближе и не целую его. Я сразу же окунаюсь в мир огня и света, мир нежности и заботы, в мир Хикса. Кузен не спешит прерывать поцелуй, проходит пару минут прежде, чем мы отстраняемся друг от друга.

– Мне стоит запоминать этот поцелуй или забыть так же, как ты сделала это год назад? – тихо спрашивает Хикс. Я с трудом соображаю, потому отвечаю не сразу.

– Я никогда не забывала, Хикс, – говорю я ему и вижу, как парень нервно сглатывает.

– Иди сюда, – улыбается он и обнимает меня. Я утыкаюсь ему в грудь и с наслаждением вдыхаю аромат его парфюма вперемешку с запахом свежей травы. Это те объятия, которые Хикс дарил мне все эти годы, и я благодарна ему за отсутствие неловкости между нами сейчас.

Мы сидим так довольно долго, мне кажется, что я начинаю засыпать, а потом резко сажусь прямо. Как я могла забыть о самом важном? Полностью погрузившись в своё горе, я забыла, что должна помочь маме. В этом вся я. Как я раньше не замечала своего эгоизма?

– Маме нужен адвокат, – говорю я Хиксу, тот кивает головой.

– Я знаю. Не переживай, Мэли. Он у неё будет, – отвечает мне кузен и протягивает визитку, которую вытащил из кармана. Я смотрю на буквы и не сразу могу сплести их воедино. У меня ощущение, будто я не спала несколько ночей.

– Оливер Салливан, – читаю я и вопросительно смотрю на брата. – Он хороший адвокат? Ты уверен?

– Он знаток своего дела, – отвечает Хикс. – Как человек, он невероятно сложный и, я бы сказал, своеобразный. Но лучше него специалиста не найти.

– Нужно позвонить ему, чего мы ждём, – быстро говорю я и тянусь за телефоном, но Хикс останавливает меня.

– Я ему позвонил ещё из поезда. Он скоро приедет, – говорит Хикс, и я пытаюсь понять его слова.

– Он не отсюда? – спрашиваю я. – Не из города?

– Он из Хаммонда, – говорит брат и поджимает губы. – Мы познакомились в колледже. Он читал у нас лекции.

– Из Хаммонда, – тихо повторяю я, а потом резко чувствую прилив злости. – Почему бы нам не пригласить адвоката из Нового Орлеана? Хикс, он ведь ничего не знает ни о нашей семье, ни о нашем городе.

– В том то и дело, – поясняет кузен. Я вижу, как он спокоен и рассудителен, я верю ему и немного успокаиваюсь. – Лучше, если он не будет знать никого здесь, не будет питать ни к кому личных симпатий или антипатий. Так будет честнее и продуктивнее. Он будет заниматься работой и только.

Я понимаю, что Хикс прав, как и всегда, собственно. На миг я задумываюсь о том, где мы возьмём столько денег на лучшего адвоката Хаммонда, но тут же отгоняю от себя эти мысли. Что-нибудь придумаю. Сейчас это неважно, главное, чтобы мама была в порядке.

– Как думаешь, мне можно к маме? – спрашиваю я, а Хикс лишь отрицательно качает головой. – Может, нужно съездить в участок, поговорить с шерифом? Мы ведь даже толком не знаем, в чём там дело.

Хикс снова берёт меня за руку и старается улыбнуться.

– Всё, что тебе сейчас нужно, это успокоиться и отдохнуть. На тебе лица нет, – говорит кузен. – Шериф ничего тебе рассказывать не станет. Давай ждать Салливана. Он поедет сразу в участок, а потом уже к нам. Но не думаю, что это будет раньше завтрашнего утра.

Диана и тётя Мирта спускаются вниз, о чём-то переговариваясь. Я не слушаю, стараюсь абстрагироваться от всего, что происходит.

– Увидимся, Эммелин, – говорит мне Диана, я киваю ей. Когда за Медисон закрывается дверь, мы все оказываемся в одном положении – смятение и неловкость.

Тётя садится напротив меня и улыбается. Я ценю её попытки поддержать меня, но это не помогает.

– Как думаешь, вам лучше жить здесь или на время переехать ко мне? – спрашивает тётя Мирта.

– Я хочу, чтобы, когда мама вернулась, здесь было всё так же, словно она и не уезжала, – отвечаю я, тётя меня понимает. Я не могу бросить свой дом, место, где каждая вещь хранит воспоминание о моих родителях. Моего отца убили, а теперь ещё лишили и матери. Мне становится нехорошо от мысли, что это происки одного и того же человека.

– Тебе лучше поспать, милая, – говорит тётя Мирта, я соглашаюсь.

Я медленно поднимаюсь наверх, но иду не в свою комнату. Сначала я захожу к Глэну. Он сидит перед телевизором и смотрит Discovery, без звука. Я понимаю, это лишь фон. Я подхожу к брату и сажусь с ним рядом на пол.

– Как думаешь, – спрашивает он, не поднимая на меня глаз, – нас ведь не отправят в разные социальные центры? Нас не разлучат?

– Глэн, нас никуда не отправят, – говорю я брату. – Ты же слышал, что сейчас о нас будет заботиться тётя Мирта.

– Она не сможет делать это вечно, – отвечает брат, мне хочется заплакать. – Когда-нибудь всё равно придётся нас отдать.

– Мама вернётся, слышишь, – говорю я Глэну и обнимаю его. Он обнимает меня в ответ. – И что бы там ни было, я никогда не позволю им забрать у меня вас. Мы всегда будем вместе, обещаю.

Когда я захожу к Сади, то не сразу замечаю её. Только подойдя ближе, я вижу сестру на полу за кроватью. Она лежит, свернувшись клубочком и смотрит на фотографию. Я сажусь рядом с ней. Вижу, что Сади плачет.

– Малыш, не грусти, – говорю я ласково. – Мама скоро вернётся. Давай до её возвращения мы не будем плакать. Она будет рада, что мы такие сильные у неё. Договорились?

Сади не отвечает. Мы долго сидим в тишине, потом я ви-

жу, что сестра уснула. Я хочу положить её на кровать, но моя Сади уже большая и тяжёлая.

– Давай я, – слышу я за спиной. Хикс переносит сестру на кровать, укрывает одеялом, и мы выходим из комнаты. – Тебе тоже не помешает поспать.

– Побудь со мной, пожалуйста, – прошу я, и Хикс соглашается.

Я лежу на кровати, уткнувшись в его плечо, и наслаждаюсь запахом свежей травы. Не знаю, почему он пахнет именно так, но я настолько к этому привыкла, что теперь не представляю, как может быть иначе.

В мою голову прокрадываются мысли о Джосе, но я изо всех сил стараюсь не думать о нём. Я чувствую себя виноватой за каждую секунду, проведённую с ним рядом. Виноватой перед Хиксом, даже не перед собой и самим Джосом. Я знаю, что нам с кузеном давно пора поговорить, но я боюсь этого, ведь совершенно не знаю, что должна ему сказать. Достаточно ли ему будет знать, на сколько ударов в минуту увеличивается ритм моего сердца, когда он рядом? Или всё будет зависеть лишь от глупых слов, которые я, наверное, никогда не смогу произнести.

Я сижу за столом на кухне и грею пальцы о чашку чая. Пар поднимается всё выше, и я готова поклясться, что вижу, как он превращается в разные фигурки. За окном ярко светит солнце. В комнате всё блестит под его лучами. Чайный сервиз, набор ножей, обручальное кольцо на моём пальце. Странно, что спустя столько лет оно не потускнело, а наоборот, с каждым годом становится всё ярче и ярче. Может, это знак того, что и наша любовь лишь крепнет с годами.

Я встаю и подхожу к окну. На заднем дворе играют двое детей. Я слышу их смех, вижу счастливые лица и улыбаюсь сама. Такие моменты стоят того, чтобы жить ради них, чтобы бороться. И я ни капли не жалею, что отдала все, что имела, ради сына и дочери.

Мальчик садится на плед, постеленный на землю. У сына кудрявые волосы и глаза его отца. Он вылитый Джос внешне и по поступкам. Он всегда добр к окружающим, спокоен и терпим. Девочка же – моя копия. Светловолосая, упрямая, настырная во всём, что придёт ей в голову.

Дети сидят на пледе и поедают сэндвичи из корзины. Они устроили себе пикник. Я чувствую себя виноватой, ведь мы с Джосом так часто обещаем сводить их на настоящий пикник и постоянно не выполняем этого обещания.

Я чувствую, как на плечи легли чьи-то руки, чувствую, на-

сколько они горячие и родные. Джос целует меня в макушку.

– Нужно почаще находить на них время, – говорит он. Я поворачиваюсь к мужу лицом. Он выглядит виновато. – Прости за вчерашнее. Мне не стоило начинать эту ссору.

– Что тебе действительно не стоило, так это будить и пугать детей. Остальное неважно. Ты был прав.

Я смотрю на Джоса и понимаю, что испытываю к нему невероятную нежность. Я всем телом прижимаюсь к нему и долго вдыхаю его запах. Он пахнет стерильностью, бинтами и домом. Мой любимый доктор.

Джос наклоняется и целует меня, я отвечаю ему на поцелуй. Это продолжается вечно, я чувствую, как сильно дорожу этим человеком, как готова отдать всё на свете, чтобы этот поцелуй никогда не закончился. Вдруг вместо вкуса губ Джоса я ясно ощущаю вкус крови. Я отстраняюсь и вижу, что кровь повсюду. Она течёт у Джоса изо рта, из раны на животе. Она растекается по полу, заливая все комнаты. Я начинаю кричать, но ничего не меняется. Дети так же играют на заднем дворе, я так же слышу их смех. Джос лежит на полу, тонет в своей же крови. Я кричу и кричу, пытаюсь сдвинуться с места, увести детей, защитить их.

– Беги! – слышу я крик Джоса и не понимаю, как может кричать тот, кто мёртв. Я всё так же не могу сдвинуться с места, вижу, как кровь поднимается все выше и выше, захлёбываюсь ею.

Я истошно кричу и открываю глаза. Где я? Кто я? Джос.

Дети. Кровь. Я тяжело дышу.

– Ты кричала? – слышу я знакомый голос. На пороге стоит Хикс. – Всё нормально?

– Кошмар приснился, – отвечаю я и пытаюсь отдышаться. – Ничего страшного. Такое бывает.

Хикс подходит ко мне и садится на кровать. Только сейчас я обращаю внимание на то, что он без футболки. Я долго люблюсь его телом, идеальной кожей, накачанными мышцами. Я испытываю непреодолимое желание прикоснуться к нему, ощутить его всего, больше не останавливать себя, не сдерживать этими глупыми правилами.

Я тяжело дышу и долго смотрю на парня. Я вижу, что он тоже борется с собой. Какие же странные у нас отношения.

– Это всегда так было или сейчас всё изменилось? – спрашиваю я туманно, но Хикс понимает всё правильно.

– Это всегда так было, Эммелин, – отвечает парень тихо. – Ничего не изменилось. На самом деле ты не чувствуешь ничего особенного. Это иллюзия. Я всегда был для тебя братом. Просто сейчас тебе нужен кто-то рядом. Это скоро пройдет.

Каждое его слово словно пропитано болью. Я понимаю, что это я заставляю его страдать. Но страшнее всего то, что я не уверена в неправдивости его слов. Может, всё действительно так.

Я хочу сказать Хиксу, что он мне нужен, что я мечтаю прикоснуться кончиками пальцев к его груди, оказаться в его объятьях, в тех других объятьях, которых у нас никогда

не было.

– Хикс, – шепчу я и подвигаюсь ближе. Я неожиданно стала смелой. Или дело и правда в моём состоянии?

Наши лица критически близко, я чувствую горячее дыхание Хикса и закрываю глаза, но парень целует меня в макушку, как обычно, и я распадаюсь на множество частей.

– Спи, Эммелин, – говорит кузен и укрывает меня одеялом. – Завтра придёт адвокат. Ты должна набраться сил.

Хикс выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Я думаю о том, что потеряла своего брата навсегда. Не стоило целовать его, не стоило говорить всё это. Я лишь разрушила ту хрупкую связь, которая у нас была как у брата с сестрой. Нам нельзя быть друг другу никем большим, но и быть простыми кузенами мы теперь не можем. Что я натворила?

Я долго пытаюсь уснуть и размышляю обо всём, что происходит со мной. И спустя несколько часов я делаю для себя единственный вывод – больше никаких парней, никаких чувств к Хиксу или Джосу, никаких записок. Я должна быть сильной и всю свою силу посвятить борьбе за маму, за нашу семью. И я должна добиться этого сама. Мне больше не будут нужны объятия Хикса или милые воспоминания Джоса. Я не желаю больше чувствовать себя виноватой за отсутствие отношений, за не проявление чувств, а потом за проявление. До всех этих событий я прекрасно обходилась без кого-либо. Так должно быть и впредь.

Поэтому, когда я утром спускаюсь на кухню и вижу Хикса,

я не бросаюсь к нему в объятия, не вспоминаю вчерашний вечер и не ищу поддержки в его взгляде. Я просто наливаю себе кофе и вопросительно смотрю на парня.

– Салливан звонил? – спрашиваю я, тот отрицательно качает головой. Я вспыхиваю. – Он вообще собирается делать свою работу? С мамой может случиться всё что угодно.

– Успокойся, Мэли, – тихо произносит Хикс и накрывает своей ладонью мою. – Он делает всё, что нужно. Как только освободится, заедет. Наберись терпения.

Я снова злюсь на брата и выдёргиваю руку. Не понимаю, почему он так себя ведёт. Ещё вчера он отверг меня, а сегодня пытается быть милым.

– Обиделась? – серьёзно спрашивает Хикс. Я лишь хмыкаю и продолжаю пить свой кофе, не произнося ни слова. – Можешь обижаться, сколько угодно, Эммелин. Я знаю, что поступил правильно. И ты сама это скоро поймёшь.

– Только бы тебе было хорошо, – отвечаю я наигранно, Хикс хочет возразить, но его прерывает звонок в дверь. Я подскакиваю на месте.

– Я открою, – говорит Хикс и идёт к двери.

Оливер Салливан выглядит так, словно ему всего двадцать лет, но я знаю, что ему уже за тридцать. На нём дорогой костюм и дорогие часы, кожаный портфель с документами и золотистые запонки. Он зачёсывает тёмные волосы назад, я не удивлюсь, если он покрывает их лаком. Абсолютный идеал и совершенство, даже если захочешь, не найдёшь,

к чему придрататься. Хотя, если быть честным, то этим своим видом он больше напоминает напыщенного мажора, чем крутого адвоката. Что ж, послушаем его.

– Мисс Ллойд, позвольте представиться: Оливер Салливан, – он протягивает мне руку, я жму её в ответ. Не понимаю, к чему эти ритуалы. Должно быть, так ведут себя взрослые. Мне пора учиться быть не ребёнком.

– Здравствуйте, мистер Салливан, – отвечаю я и жестом приглашаю его присесть.

– Можете называть меня просто Оливер, – отвечает он и улыбается.

– Оливер, ну что? Какие новости? – спрашивает Хикс. Я вижу, что они в хороших отношениях и не устраивают фальшивых церемоний.

– Расклад не самый удачный, – отвечает Салливан, я замечаю, что он тоже перешёл на простую форму общения. – Ройстон был найден убитым в своей квартире второго октября. Никаких следов взлома и ограбления. Либо он сам впустил убийцу, либо у того были ключи. У Реджины они были.

– Это разве улика? – спрашиваю я с негодованием. – Так притянута за уши.

– Согласен, – отвечает Оливер. – Но ведь это ещё не всё. У него на пиджаке обнаружены волосы и капли пота твоей матери.

– Это тоже так себе доказательство, – парирую я. – Они ведь встречались. А значит, были максимально близки, по-

нимаешь, о чём я?

– Соседи видели, как Реджина входила в дом Ройстона за час до его смерти, – говорит Салливан, я задумываюсь.

– Что ж, мой прошлый аргумент сгодится снова, – отвечаю я. – Думаю, она могла приходиться к своему любовнику, разве это запрещено? И если честно, я не совсем понимаю, разве у такого влиятельного и богатого человека нет камер в доме или хотя бы во дворе?

– Конечно, есть, – соглашается адвокат, – но в тот день они не работали. Причины пока неясны.

– Ну, естественно, это моя мать-хакер взломала всю систему записи видео, – бросаю я. – Мне кажется, что всего этого слишком мало для обвинения.

– Твоя мать призналась, что она приходила к Ройстону в тот день, – спокойно рассказывает Оливер. – По её словам, она ушла оттуда через сорок минут, соответственно, на время убийства у неё нет никакого алиби. К тому же, Энди был застрелен из собственного пистолета, на котором отпечатки пальцев твоей матери.

Я пытаюсь придумать оправдание, словно, если смогу убедить Салливана, то маму отпустят. Ничего не приходит в голову, но я понимаю, что расклад и вправду ведь неудачный.

– Что будет с мамой? – спрашиваю я, затаив дыхание. Я боюсь услышать ответ.

– Завтра ей предъявят обвинение. Я надеялся, что 72 часа пройдут быстрее, чем они наскребут достаточно фак-

тов, но дело плохо. Естественно, твоя мать признает себя невиновной, потом назначат дату судебного разбирательства. И у нас будет достаточно времени.

– Времени на что? Что-нибудь вообще можно сделать? – спрашиваю я слишком тихо, меня саму пугает это. Как будто во мне не осталось сил. Но я не хочу быть слабой. Я прочищаю горло и говорю уже намного громче и увереннее. – Каковы наши действия?

– Вам ничего не нужно делать, – отвечает Оливер спокойно и улыбается. Меня раздражает его беспечный вид. Я не понимаю, как он может так себя вести, когда моя мама в тюрьме. – Я буду собирать необходимую информацию. Побеседую с родственниками, соседями, с вами.

– Побеседую, – повторяю я, а после словно схожу с ума и начинаю кричать. – Ты вообще в своём уме? Моя мать в тюрьме и рискует остаться там надолго, а ты собрался беседовать с соседями?!

Я и сама не понимаю, почему вышла из себя, как осмелилась кричать на своего адвоката, обвинять его, но я не могу поверить, что он не собирается немедленно привезти мою мать домой. На самом деле я знаю, что это непросто, но в глубине души я готова обвинить всех и каждого.

– Эммелин, – протягивает Хикс и смотрит на меня осуждающе. – Оливер делает то, что считает нужным.

– Мне кажется, этого недостаточно, – отвечаю я так же зло.

– Крошка, – Оливер перестаёт улыбаться и наклоняется вперёд. Он щурится, однако не нервничает. – Здесь я буду решать, что верно, а что нет, чего достаточно, а чего нет. Ты, наверное, забыла, что я один из лучших адвокатов, а ты сопливая школьница. Так вот, мой тебе совет – делай свои уроки и не мешай взрослым дядям разбираться с серьёзными проблемами.

Мои щёки моментально вспыхивают, я начинаю злиться ещё больше. Кто он такой, чтобы так со мной разговаривать? Чтобы так вести себя в моём доме? Это я буду платить ему деньги, он должен слушать меня!

– А тебе не кажется, – начинаю я, но тут же Хикс резко сжимает мою руку так сильно, что она белеет.

– Прекрати, я тебе сказал, – произносит он строго. Я впервые вижу его таким. Обычно мой брат всегда весел и безмятежен. Видимо, всё изменилось. Да и мне, должно быть, больше не стоит называть его своим братом. Или как раз наоборот?

– Я просто хочу знать всё, что касается дела моей мамы, я хочу знать, как себя вести, чтобы защитить её, – говорю я уже спокойнее. – Ведь допрашивать будут и меня, и вся наша семья будет под прицелом репортёров. Разве это не твоя задача – защищать нас всех, раз ты такой крутой?

– Попридержи язык, девочка, – отвечает Оливер строго. – Пока ты так себя ведёшь, ты показываешь только одно – ты маленький капризный ребёнок, неспособный решать серьёз-

ные дела, а значит, не заслуживающий того, чтобы тебя посвящали во все подробности. Докажешь мне обратное – я подумаю. А пока я буду иметь дело с твоей тётёй и кузеном, если ты не против, крошка.

Я потрясена. Открываю рот, чтобы выразить своё негодование, но не произношу ни слова. Оливер вопросительно смотрит на меня, а когда понимает, что ответа не будет, вновь откидывается на спинку дивана и расслабляется.

Пару минут они с Хиксом разговаривают о дальнейших планах, и меня в этих планах нет. Я злюсь, но понимаю, что Оливер во многом прав, и это раздражает ещё сильнее. Неужели я и правда не могу решать серьёзные проблемы? Неужели от меня нет никакого толка? Тогда кто же позаботится о Глэне и Сади? Я никогда не доверю их кому-то другому, пусть это даже будет наша родная тётя. Но, видимо, право быть им опорой и защитой нужно заслужить. Значит, нужно стараться.

Оливер уходит и обещает позвонить вечером, когда узнает что-нибудь новое. Я с ужасом жду того, что меня вызовут в участок прямо сегодня, но Хикс говорит, что у нас есть ещё пара дней.

– Тебе следует быть спокойнее и терпимее, – говорит мне Хикс за обедом.

Мы все сидим за столом, тётя разливает сок. Глэн и Сади выглядят уставшими, хотя никто из нас не занимался ничем весь день. Тётя пытается заботиться о нас как можно лучше,

и я ей за это благодарна. Но мамино отсутствие ощутимо для нас троих, потому воздух в комнате напряжённый.

– Я не совсем понимаю, почему ты так спокоен, – отвечаю я, стараясь не злиться и не пугать сестру с братом. – Он должен выполнять свои обязанности и делать это хорошо. А иначе какой тогда смысл?

– Я понимаю, что ты расстроена, Эммелин, – говорит мне тётя ласковым голосом. – Но позволь Салливану самому разобраться во всём. Он прекрасный специалист. Он точно знает, что нужно делать.

– Просто, – я долго молчу, пытаюсь подобрать правильные слова. – Я хочу быть чем-то полезна, делать что-то, а не сидеть дома и ждать.

– В этом вся ты, – говорит Хикс и улыбается. Я отмечаю, что его голос такой же ласковый, как и прежде, значит, он больше не сердится. – Всегда хочешь делать всё сама. Доказать правоту, найти убийцу, спасти мир.

Мне требуется много сил, чтобы ничего не ответить Хиксу. Я просто молчу и доедаю свой обед. Не хочу ругаться с ним, не хочу вновь казаться всем ребёнком. Когда я уже собираюсь выйти из-за стола, тётя просит меня задержаться. Глэн и Сади уходят, Хикс тоже. Мы остаёмся наедине.

По правде говоря, мы с тётей никогда не были особенно близки и дружны. Но после смерти папы она всегда помогала нам, поддерживала маму, нас. Оставалась рядом, когда было тяжело. И сейчас тоже поспешила на помощь без тени

сомнения. Я благодарна ей за это.

– Эммелин, давай поговорим как взрослые люди, хорошо? – тётя произносит слова тихо и ласково. Это меня успокаивает. – Завтра днём придёт психолог. Я хочу, чтобы ты с ним пообщалась. Пусть это тебе и не нравится.

Я готова возразить, но вовремя себя останавливаю. Если тётя так хочет, я сделаю. Я больше чем уверена, что никакой психолог мне ничем помочь не сможет, но я хочу показать всем, что спокойна и рассудительна, что я не бунтую и не раздражаюсь по пустякам.

– Хорошо, тётя, – отвечаю я. – Когда мы вернёмся в школу? Не то чтобы я сильно этого хотела, но проводить дни дома ещё хуже.

– Я понимаю, – отвечает тётя. – Сначала с вами побеседует психолог, потом мы решим. Я не хочу пока вас отпускать. Особенно Сади. Мне тяжело найти к ней подход, но я вижу, что девочка очень страдает.

Я понимаю свою тётю. С Сади всегда сложно, ведь она привыкла быть закрытой книгой для всех окружающих. Ужасно, что никто не может помочь ей в отсутствие мамы, но если хорошенько подумать, то и мама не всегда могла ей помочь.

– Ты веришь в то, что мама, – начинаю я и не могу закончить предложение. Путь словам преграждают слёзы, я больно впиваюсь ногтями в ладонь и успокаиваюсь.

– Нет, я не верю, что она могла это сделать, – отвечает

тётя, и мне становится неважно, думает ли она так на самом деле. Просто услышать такие слова для меня очень важно.

– Думаешь, это случайность, что второй её мужчина умирает так же, как и первый? – задаю я вопрос, о котором думаю всё это время, и ответ на который боюсь услышать больше всего на свете.

– Не думаю, что это связано, Эммелин, – устало говорит тётя. Её слова звучат искренне. – Ройстон был большим человеком в нашем маленьком городке. Много денег и власти, соответственно, много врагов. По-моему, ничего удивительного нет в его смерти.

– А что же тогда насчёт папы? – задаю я следующий вопрос. Тётя долго молчит. Иногда я забываю о том, что тётя тоже страдает из-за его смерти. Мы потеряли отца, а она потеряла любимого брата. Удивительно, как много людей теряют часть своей жизни, когда умирает один лишь человек.

– Может показаться, что эти случаи связаны, но их объединяет только твоя мать, и не больше. Не знаю, кто убил твоего отца, но это явно было не из-за денег и власти. Столько лет прошло, а я так и не нашла причину, – грустно говорит тётя, я вижу в её глазах слёзы.

Я встаю из-за стола и обнимаю её. Мы долго молчим. Мне хочется сказать ей, что причина есть, что её можно узнать, отгадав все загадки, раскрыв все тайны, но я ничего не говорю. Не нужно никому об этом знать. К тому же, нет полной уверенности в успехе этой затеи.

После разговора с тётёй я поднимаюсь к себе в комнату, на моей кровати сидит Хикс. Меньше всего сейчас я хочу его видеть. И тут же замечаю, что впервые за столько лет я предпочту одиночество его компании. Что ж, мы и вправду уже не те, что были раньше. И видимо, это я всё испортила. Хотя не сам ли Хикс всё это начал?

– Снова будешь стыдить меня и читать морали? – спокойно спрашиваю я и останавливаюсь посередине комнаты, не желая садиться рядом с кузеном.

– А ты снова будешь злиться на меня? – спрашивает Хикс. – Только за что? За то, что мы поцеловались, или за то, что я не стал этого повторять?

Я фыркаю. Мне неприятно даже думать об этом. В животе всё сжимается, я чувствую, как волнуюсь. Что, чёрт возьми, происходит?!

– Если ты так много внимания уделяешь мелочам и так переживаешь из-за поцелуев, то тогда неудивительно, что у тебя никогда не было постоянной девушки, – резко бросаю я парню, желая уколоть его как можно больнее, чтобы он почувствовал, как больно мне.

Хикс молчит около минуты, а потом встаёт и подходит ко мне. Он берёт меня за подбородок и долго смотрит в глаза. Кожа пылает огнём в том месте, где касаются его пальцы. Я не знаю, чего ожидать от Хикса. Его взгляд меня обескураживает.

– Кто ты? – тихо, но строго спрашивает он, и мне стано-

вится не по себе. – Кто ты и что ты сделала с моей сестрой?

– Ты с ума сошёл? – спрашиваю я, не повышая голос. Я больше не злюсь, мне обидно.

– Где та Эммелин, которую я знал всю жизнь? Та, которая решала все проблемы сама, которая мечтала вырасти и найти убийцу отца? Почему вместо смелой и решительной девушки я вижу ту, что злится на меня из-за несостоявшегося поцелуя и кричит на адвоката, полагая, будто он делает недостаточно? Почему ты стала злиться на всех и всегда, словно ты самая несчастная в этом мире?

– Хикс, – тихо выдыхаю я, но парень мне не отвечает. Он проводит рукой по моей щеке, волосам, долго смотрит в глаза. Я жду объятий, советов, чего угодно.

– Как жаль, – произносит он и выходит из комнаты.

Я долго стою, не двигаясь, и не могу понять, что произошло. Когда наступил тот момент, считающийся точкой невозврата? Когда я допустила роковую ошибку?

В одном Хикс прав точно. У меня всегда были чёткие позиции и намерения, я шла напролом, а теперь мои мысли заняты только Джосом и Хиксом, я целуюсь с ними обоими, потом страдаю от этого. Веду себя как маленькая глупая девочка.

Я решаю, что мне нужно отвлечься. Лезу под кровать и достаю свой ящик секретов. Там лежат все мои записки. Я беру в руки четвёртую и перечитываю её снова и снова, пытаюсь понять хоть что-то.

«Здравствуй, Эммелин.

Мы на пороге новых открытий, мы на пороге тайн.

Как думаешь, сколько может прятаться человек, скрывая своё лицо под маской благодетеля, прежде чем правда выйдет наружу? Порой это происходит так долго, словно целую вечность.

Но мы ведь не можем этого допустить, правда? Ты за справедливость? Я тоже.

Нашла своего монстра? Наверное, нет, ведь мы пока ещё в самом начале, на самом пороге.

СЭ»

Бесполезно, я не могу понять ни слова, не могу найти никакого тайного смысла. Отлично понимаю, что всё это как-то связано с подвалом, иначе он не посылал бы меня туда в прошлой записке, но до сих пор непонятно, что и где мне нужно искать.

Я не спускаюсь к ужину, так как не хочу видеть Хикса. Я обижена на него и одновременно чувствую свою вину перед ним. Я лежу в постели и думаю о том, как защитить маму, что сказать шерифу, как разгадать тайну из записок и стоит ли это делать.

Я то и дело бросаю взгляд на скрипку, но не могу заставить себя взять её в руки. Я словно чувствую, что недостойна касаться её. Так было после папиной смерти. Я впервые прикоснулась к ней спустя полгода после похорон, и то лишь потому, что Глэну было особенно грустно в тот вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.